

Выше, чем Надмирье

Написано Белой Фоссой, известной также как Артём Ветров.

25 февраля 2018 — 19 ноября 2020

Распространяется под лицензией CC-BY-SA 4.0+

Предисловие

Текст в твоих лапах, о уважаемый читатель, является фанфиком по Далетравским Куницам, написанным Варрой Росомахой. Помни, что фанфик этот не одобрен ею до такой степени, что она записала меня во враги, и является неканоничным с точки зрения Миролапья.

Если ты хочешь узнать о каноничном Миролапье — прочитай Далетравских Куниц (да и в любом случае прочитай, иначе мой текст будет непонятен), найти их можно здесь: <https://vk.com/daetravie>, здесь: <https://www.furtails.pw/objects/2896> (отсутствуют последние главы) или, в крайнем случае, здесь:

magnet:?

xt=urn:btih:28ec8fcf39a4b4cadbcd9e9dd875b4838da5a533&dn=Daletravskie_Kunitsy_tselikom.pdf (магнитная ссылка на торрент).

Особая благодарность Редгерре за вычитку текста и помощь с редактированием }=

Часть 1. Последняя осень

Иртаан замер и, наклонив голову, прислушался. Тихий посвист ветра над заснеженными просторами, где-то вдалеке ухнулаа сова... и тишина опустилась на серебрящуюся в свете полной луны равнину. Вновь задул ветер, топорща ярко белый, как свежеснеженный снег, мех на груди юного горностая. Дуновение принесло с собой сладкий, с привкусом сухой травы, запах. Иртаан опустил острую мордочку к самому снегу и ещё раз принюхался.

Сладкий запах, несомненно, принадлежал мышиному семейству, нюх зверька был настолько тонок, что он даже мог различить запах юных мышат, вплетающийся в напоминавший о лете аромат травы. Где-то неподалёку, укрытые толщей снега от пронзительного зимнего ветра, в тёплом гнезде, устланном пахучими травами, грызуны готовились ко сну.

Иртаан поводил головой в поисках направления, с которого доносился запах, и белой стрелой сорвался с места. Прыжок, принюхался, ещё прыжок, прислушался. Его крошечные лапки не оставляли цепочки следов, как это бывает с более крупными зверьми. Только продолговатые ямки, способные сказать намётанному глазу, что здесь в снег приземлился горностой и, через мгновение, прыгнул дальше. Вот он в очередной раз замер, прислушиваясь, и до его округлых белых ушек донёлся тоненький голосок, исходивший, казалось, прямо из под его лап. Иртаан, уже было приготовившийся к прыжку, расслабился, задумался на мгновение, и принялся, яростно работая лапами, рыть снег.

Спустя несколько мгновений его чёрный нос провалился в пустоту проложенного под снегом хода. Мышиный запах в нём был несравненно крепче и, казалось, висел желтоватым туманом. Иртаан изогнулся и протиснулся в нору. Здесь было совсем темно, лишь мерцающий оранжевый свет тускло освещал пол, пробиваясь из за поворота. Подснежный ход был узок, бока горностая касались его стен когда он бесшумно крался, то и дело замирая и прислушиваясь, к источнику света. Наконец и поворот... Иртаан осторожно высунул нос за него, и его глазам открылась небольшая зала, вырытая в снегу. Оранжевый свет отбрасывали две свечи, и в их колеблющемся свете он разглядел несколько чёрно-серых тел, свернувшихся

на подстилке из сухой травы. Зверьки мирно спали и не замечали подкравшегося к ним хищника. Только один из детёнышей ещё не спал, и теребил мать.

«Покачай ме...» — его голос замер на полуслове, когда он встретился взглядом с Иртааном. Детёныш издал громкий пронзительный визг и, оттолкнувшись задними лапами от бока матери, бросился наутёк. Мгновение, и тёмная зала наполнилась писком, отражавшимся от стен и звучащим словно со всех сторон сразу. Вглядываясь в метавшиеся серые тени, горностаи выбирали добычу... Его взгляд остановился на упитанной мышке, прижавшейся в конце концов к стене, и закрывавшей собой кричащего детёныша.

Иртаан прыгнул, целясь своими острыми, как иголки, клыками, в шею матери... и понял, что он стоит всеми четырьмя лапами на мягкой подстилке, неспособный пошевелиться. Охотничий инстинкт толкал его вперёд, он попытался прыгнуть... безуспешно. Тело, не слушалось его, и вместо прыжка пятилось назад, к тёмному входу в лаз. Превозмогая холодящий грудь страх, он предпринял ещё одну попытку... и проснулся.

Горностаи выскочил из гнезда, и заметался по освещённой огнём очага норе. Резкая боль в суставах напомнила ему, что он уже вовсе не тот молодой зверек из своего сна. Окончательно придя в себя, Иртаан замер перед выходом из жилища и принюхался. Пахло дымом, землёй и рыбой, из-за шкуры, закрывавшей выход, тянуло морозным воздухом. И, конечно же, никакого запаха мышей. Горностаи встряхнулся, сбрасывая остатки сна, тяжело вздохнул, вспоминая свою молодость, когда его тело было было сильно и проворно, и он мог хоть целую ночь охотиться. В те, давно ушедшие годы, удача редко отворачивалась от него, и он почти всегда был сыт. Сейчас же его желудок, растревоженный сном о вкусной добыче, напомнил о себе недовольным урчанием. Иртаан поднял морду и подслеповато прищурился. Под земляным потолком, подвешенные к торчащим из стен корням, вялилось шесть крупных рыбин. Отметив про себя, что этого не хватит, чтобы прокормиться всю зиму, горностаи принялся приводить себя в порядок. Пусть его мех и потерял белизну, которой Иртаан гордился в молодости, тепло он держал по-прежнему отменно. Зверёк расчесал его везде, куда только мог дотянуться, костяным гребнем, почистил мордочку лапами и пригладил мех на ушах. Когда он расчёсывал мех на голове, гребень задел за массивное золотистое кольцо, вставленное в его левое ухо, и Иртаан провёл в задумчивости несколько минут, теребя украшение лапой.

Наконец он вышел из оцепенения, и забравшись на пенёк, игравший роль стула, достал прицепленную к корням над головой удочку. Следом за ней последовала и грубо сплетённая корзина. В отверстие над очагом проник яркий, красноватый луч Солнца — наступал новый день, и Иртаану надо было отправляться к Травошёрстке, добывать себе еду на зиму.

Откинув тяжёлую шкуру, закрывающую вход в нору, горностаи выбрался наружу, и тут же зажмурился от яркого света, непривычного после тёплого полумрака. Ещё вчера небо было затянуто сплошными серыми тучами, сегодня же было ясно, и в этот утренний день Солнце светило ему прямо в глаза. Снег ещё не выпал, и вокруг на многие торосы раскинулись луга, покрытые пожухлой, коричневого цвета, мёртвой травой. Тут и там росли одинокие деревья, в корнях одного из которых Иртаан и устроил свою нору. На бледно-голубом небе не было ни облачка, и в воздухе ощущался мороз. Горностаи явственно ощущал, что пройдёт всего несколько дней и ирбис Вихрегруд прогонит росомаху Рекохвата, и наложит свои ледяные лапы на всё вокруг. Иртаан спешил наловить как можно больше рыбы до того, как реку скуёт лёд, ведь она была единственной добычей, доступной престарелому горностаю. В лесу на севере были, конечно, и ягоды — но разве ими насытишься? Да и любителей полакомиться ими там обитало множество, так что сейчас, в конце осени, нечего было и надеяться нарвать хотя бы несколько горстей.

Предаваясь невесёлым мыслям о том, где достать еды, горностаи неспешно двигался на север, пробираясь сквозь мёртвые травы. Никто из зверей не попадался ему на пути, лишь пару раз Иртаан слышал вдалеке галочий крик. Его привычный путь к реке пролегал мимо небольшого безымянного озерца — судя по всему рыба в нём не водилась, ведь сколько зверёк не забрасывал в него удочки, он ни разу не видел даже поклёвки, но летом горностаи

любил остановиться и передохнуть, наблюдая за тем, как играют стрекозы над гладью воды. В последнее время осенняя распутица мешала Иртаану подойти к ней, но сейчас грязь затвердела, схваченная льдом, и он решил навестить озеро. Более тяжёлый зверь застрял бы, несмотря на мороз, но горноста́й сумел добраться до самого берега, и теперь стоял среди сухих камышей, закрывавших обзор. Подобравшись к воде он увидел, что и она покрылась тонкой корочкой льда, треснувшей под брошенным им камешком.

Лёд не сулил ничего хорошего. Травошёрстка, конечно, не чета маленькому стоячему озеру, но лёд напомнил Иртаану, что после того, как все солнечные гонцы сменятся раз или два, мороз скуёт и её. Посему зверёк старался наловить как можно больше рыбы и проводил всё своё свободное время у реки.

«Эх Травошёрстка-Травошёрстка» — думал горноста́й — «ты у меня еду отобрала, ты меня теперь и кормишь... Зачем ты так внезапно разлилась весной, и отобрала у меня подарок, дающий еду?» Продолжая своё путешествие он вспоминал о былых сытых днях. Много вёсен назад Иртаан вернулся из одного из своих походов с тяжёлой, невиданной никем ранее в Далетравье, наспинной сумкой странного покроя, скрывавшей в себе какой-то округлый предмет. Он никогда никому не рассказывал о том, что это было, несомненно было лишь то, что это что-то очень ценное. Отправляясь в очередное путешествие или выбирая себе новое логово он всегда навьючивал на себя эту сумку, да и в норе, когда она у него была, всегда хранил её около спального места.

По утрам, когда очередной гонец выгонял Солнце на небо, он просыпался, приводил себя в порядок, застёгивал шлейку, прикреплённую к сумке, у себя на груди, и отправлялся на охоту. И хотя Иртаана никогда не видели с добычей, возвращался в логово он всегда с наполненным животом. Если бы осторожный зверь или птица проследили бы тогда за ним, они бы очень удивились способу охоты, который избрал молодой в те годы горноста́й. Сначала он искал источник воды, и пил из него. Затем, тщательно исследовав окрестности и убедившись, что его никто не видит, снимал сумку со спины и доставал из неё тёмно-жёлтый яйцеобразный предмет размером с его голову. Иртаан вертел его в лапах, и крышка, расположенная на остром конце, отделялась от остального предмета. Тут наблюдатель наверное бы решил, что это какая-то фляга, в которую зверёк собирает воду. Его предположение было бы тут же подтверждено, ведь горноста́й зачерпывал крышкой воду и вливал её большую часть предмета. Затем он прилаживал крышку, навьючивал странный сосуд себе на спину и отправлялся искать место, ярко освещённое солнечным светом. Здесь он снимал его со спины, ставил на землю острым концом вверх и вновь открывал крышку. Дальнейшее его поведение можно было бы ожидать от травоядного, но никак не от горноста́я — Иртаан принимался рвать траву и засовывать её в свою странную флягу.

Набив сосуд доверху, он закрывал его крышкой и делал с ним что-то непонятное, после чего юрко отскакивал в сторону. Странный предмет раскрывался как бутон, четыре лепестка его оказывались прижаты к земле, а центральная, цилиндрическая, часть — направлена прямо на Солнце. Иртаан, тем временем, наслаждался его лучами, подставляя ему белое брюшко. Через какое-то время «цветок» закрывался, горноста́й, прервав отдых, доставал из сосуда коричневые шарики, которые он и поедал, судя по выражению на мордочке, с немалым удовольствием. Такова была загадочная охота Иртаана. На его счастье, он всегда был достаточно осмотрителен, и ни разу ни один глаз, не считая насекомых, не видел, каким странным способом он добывал себе пищу.

Так Иртаан и жил, не зная голода, до злосчастной весны этого, девятьсот девятнадцатого года с Великого Разгрыза, когда Травошёрстка внезапно, за одну ночь, разлилась, и затопила его бывшую нору, располагавшуюся на прибрежном лугу. Тогда, спасаясь от стремительно прибывавшей воды, он не успел забрать свою наспинную сумку, и теперь подарок, что кормил его долгие годы, покоился где-то на дне, занесённый илом. Из имущества тогда у него осталось лишь драгоценное кольцо в ухе.

Сейчас Иртаан, неспособный, в силу своего возраста, охотиться, полностью зависел от рыбалки да милости других зверей. К счастью, в Бросхадоме, где он переживал наводнение,

нашлись добрые звери, подарившие ему пару удочек со снастями, которые теперь и кормили его.

Предаваясь воспоминаниям, горноста́й добрался до южного берега Травошёрстки. Он возвышался над рекой на несколько гюрз и оканчивался изрытым гнёздами ласточек обрывом, казавшимся маленькому зверьку просто огромным. Однако он не был для Иртаана непреодолимой преградой — то там, то здесь берег пересекали русла ручьёв, бежавших по весне к реке, а в нескольких местах — даже и настоящие овраги. Один из них он и облюбовал как место для рыбалки. По склону можно было относительно легко спуститься к воде, к тому же овраг защищал его от ветра.

Прежде чем приступить к рыбалке, Иртаан постоял, отдыхая, на берегу, наблюдая за солнечными бликами на серых в это время года волнах реки. Затем он спустился к воде и поставил корзину на привычном месте. Подмёрзшая земля была покрыта множеством отпечатков лап, впрочем, все они принадлежали горностаю. Все камешки и веточки находились на тех же местах, что и день назад. Иртаан втянул воздух и не почувствовал ничего незнакомого, только запах реки и влажной земли.

Судя по всему, старый горноста́й был единственным зверем, ходившим на рыбалку столь поздней осенью. Рыба в эти дни готовилась к зиме и клевала очень неохотно, бывало, что зверёк проводил весь день, сидя на перевернутой корзине и затемно возвращался в свою нору с пустыми лапами.

Подмёрзшая за ночь земля преподнесла Иртаану неприятный сюрприз — она не поддавалась ему, как он не старался. Раньше, идя на рыбалку, горноста́й не задумывался о наживке: пусть его лапы и не были так ловки, как в молодости, но ему хватало сил для того, чтобы выкопать ямку в влажной прибрежной земле и добыть земляных червей. Теперь же, с наступлением холодов, этот источник иссяк, а без наживки — какая тут рыбалка? Прекратив попытки совладать с неподатливой землёй Иртаан вздохнул и, усевшись на корзину, принялся размышлять, наблюдая за серыми волнами, катившимися по Травошёрстке.

И хоть голова зверька была покрыта желтовато-белым мехом, мысли в ней бродили самые мрачные. Продолжать рыбалку в этом году было невозможно, но в норе горноста́я ждали всего шесть рыб. Иртаан не отличался обжорством, но даже такому небольшому зверьку было невозможно прокормиться столь малым количеством пищи. Значит — бросить свою нору и направиться в Бросхадом? Просить приютить его на зиму? Конечно, там не отказали бы старому зверю... но от мысли том, что ему придётся жить нахлебником и питаться плодами чужой охоты Иртаану стало не по себе. Всю свою жизнь, не считая раннего детства, он полагался только на самого себя, странствовал ли он по миру или жил какое-то время оседло.

К тому же он не любил плотно заселенные места — слишком много шума, слишком много зверей, слишком мало спокойствия и свободной земли. Для него ещё слишком свежи были воспоминания о вынужденном пребывании в Бросхадоме. Нет, он был благодарен приютившим его зверям, но те несколько недель, что он провёл под кроной Великого Дуба были, пожалуй, самым неприятным для него приключением за последние годы.

За свои без малого сто двадцать лет горноста́й повидал немало стран и зверей, но так и не встретил никого, с кем бы он был готов связать свои лапы. Любой зверь или зверица, какими бы интересными, очаровательными или прекрасными они не были, быстро становились обузой для Иртаана, когда вновь просыпалась его тяга к странствиям. Да и мало кто рискнул бы бродить по миру вместе с ним — многие путешествия несли с собой не только удовольствие от знакомства с новыми местами и зверьми, но и смертельные опасности. Шрамы на спине, напоминавшие о не слишком удачном знакомстве с псом, носившим белый ошейник, были тому подтверждением.

Воспоминания о прошедшем прервала мысль, в последние годы всё чаще посещавшая горноста́я.. мысль о том, что его ждёт дальше. Он чувствовал, что его жизнь близка к завершению, и чем больше он об этом думал — тем страшнее ему становилось. Многие звери из тех, кого он встречал в своей жизни, не боялись умереть — они знали, что не

совершили ничего, что заставило бы Звёзд отвернуться от них, и полагали, что их путь после смерти лежит на Дальние Луга. Иртаан же, вспоминая всё, что он совершил за свою долгую жизнь, не был так спокоен. Особое беспокойство вызывало у него путешествие из далёкой юности — то самое, из которого он вернулся со странным подарком.

В те далёкие годы он часто вспоминал о нём и мысль о том, что он чуть было не предал всё, что было для него дорого, не давала ему покоя. Вернувшись из путешествия он полагал, что только чудом избежал поступка, который наверняка привёл бы его душу прямоком в Надмирье. Впрочем, то приключение не было для Иртаана чем-то исключительно ужасным — были в нём и положительные стороны. Пережив всё произошедшее он стал смотреть на происходящее вокруг него по-другому, так, как возможно, не смотрел не смотрел ещё ни один зверь в Миролапье. Шли годы, и Иртаан время от времени возвращался к тем событиям в своей памяти. И чем старше он становился, чем больше узнавал окружающий мир, тем чаще приходила в его голову кошунственная мысль — «А может быть стоило согласиться?»

Впрочем, в чём заключалось предложение, вызывавшее эти сомнения, никто, кроме пожелтевшего от старости горностая, не знал, ведь даже простой рассказ о пережитом мог стать для Иртаана первым шагом на пути в Надмирье.

Резкое дуновение северного ветра прервало думы зверька. Он поёжился, и, встав с корзины, оглянулся. За то время, что он провёл в раздумьях, ветер успел усилиться и нагнать тяжёлые серые облака. Они ещё не полностью скрыли голубизну неба, но Иртаан понимал, что скоро пойдёт снег, первый снег в этом году. Впрочем, вместо снега мог пролиться и дождь — а укрыться от ледяной воды на берегу Травошёрстки было негде. Горностай ещё раз взглянул на реку, подобрал пустую корзину, и, побрёл домой, чувствуя, что в этом году ему уже не порыбачить.

По пути к норе он вновь принялся размышлять о своём будущем, и к тому моменту, когда знакомое дерево показалось из-за холма, в его голове созрело окончательное решение.

Оказавшись дома и подождав, пока глаза привыкнут к полумраку, Иртаан влез на пенёк-стул, убрал удочку, и, вытянувшись на всю свою длину, отцепил самую большую из рыбин от корня, нависавшего у него над головой. Ухватив рыбу зубами за хвост он спустился, положил её на широченный корень, проходивший у стены и заменявший ему стол, и принялся резать высушенное мясо на кусочки. Высыпав их в наспинную сумку, подаренную ему в Бросхадоме молодым сородичем, он полез за следующей рыбой. Когда он закончил свою работу и затянул кожаный ремешок на горле сумки, под потолком оставалось висеть две последних рыбины.

Из за шкуры, закрывавшей дверной проём, проникал мерный шум, и Иртаан, высунув морду наружу, увидел, что начался дождь. Капля ледяной воды упала прямо ему на нос, и зверёк поспешил спрятаться в норе. Делать, пока не закончился дождь, было нечего, и горностай принялся вырезать на гладкой поверхности стола-корня какие-то значки. Время от времени он замирал и поводил ушами, прислушиваясь — не закончился ли дождь. Наконец он покрыл весь стол символами, изображавшими разных зверей, и, свернувшись в клубок на подстилке, заснул под шум дождя и потрескивание веток в очаге.

Проснувшись, Иртаан вылез наружу и увидел как редкие снежинки первого в этом году снега неспешно падали с небес. Лёгкий мороз, встретивший его за порогом норы, заставил горностая встряхнуться и прогнал сон. В ожидании восхода зверёк позавтракал половиной одной из оставшихся рыб и когда небо, затянутое тяжёлыми тучами, стало светлеть на востоке, закинул сумку на спину, выбрался наружу, постоял недолго, смотря на свой последний дом и зашагал на север.

Догоравший костёр освещал пустую нору красноватым светом. Надпись, вырезанная вчера на дереве стола, гласила: «Незнакомый зверь, кем бы ты не был, теперь эта нора и всё, что в ней — твои. Пусть празвери благоволят тебе, живи здесь сколько хочешь, я не вернусь. Иртаан.»

Путь горностаю предстоял неблизкий, да и, в общем-то не было у этого пути определённого конца. Впрочем, в жизни Иртаана так было всегда. Когда жажда странствий звала его — он просто отправлялся в путь, не задумываясь о том, куда принесут его лапы и не загадывая, что ждёт впереди. Последнее путешествие было, в этом смысле, исключением — зверёк осознавал, что ему просто не хотелось умереть на подстилке в своей норе и отправился в путь, чтобы проститься с теми местами, где прошла вся его жизнь.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как Иртаан покинул нору. Сколько именно — он не считал, торопиться ему было некуда. За это время горностай перебрался через Травошёрстку по мосту, располагавшемуся к северо-востоку от его оставленного навсегда жилища, и, двигаясь против течения реки, добрался до таверны Сытная Нора. Там он задержался на пару дней, проводя их в разговорах с разными зверями, пополнил свои запасы благодаря щедрости норки Эрньо, с которой был много лет как знаком, и направился дальше, в сторону лугов Тритравья. Иртаан намеревался подняться к самому истоку реки, заглянуть к Берзе, повидать кота Чайного и отправиться после на северо-восток, к видневшимися в сизой дымке горам Предхлады.

За эти дни ирбис сменил росомаху, и зима вступила в свои права. Начинался очередной день, Солнце окрашивало рыжим облака на востоке, в воздухе чувствовался мороз, и временами то одна, то другая снежинка неспешно спускалась с неба. Снег ещё не покрыл землю своей сплошной белой шкурой, и лежал лишь на пожухлой траве. Тропинки же были черны, но замёрзшая земля уже не расплзлась под лапами, и Иртаан довольно быстро, для его возраста и размера, конечно, двигался вдоль реки. Пологие берега позволяли в любое время спуститься к Травошёрстке и набрать воды. Сама река стала уже и неспешно катила свои зеленоватые воды к югу, свободная ото льда, лишь у самой кромки воды покрытая тонкой его корочкой, трескавшейся, стоило только горностаю нажать на неё лапой.

Зверёк проснулся этим днём с первыми лучами солнца, выгнанного на небо Рысью, и сейчас неспешно брёл вдоль берега, время от времени вертя головой по сторонам, вспоминая о многих своих приключениях, начинавшихся с этого же пути.

Среди буков и каштанов, росших вдоль берега, всё чаще попадались поляны, сначала небольшие, а затем и более обширные, на опушках стали встречаться берёзы...

Слева, откуда-то со стороны хвоста, донёсся треск сломанной ветки, Иртаан повернулся на звук, и тут же бросился вперёд со всех лап — на расстоянии в десяток-другой гюрз, прямо к нему неслась, вывалив язык, жёлтая длиннолапая собака. Горностай прыгнул с места, и ещё не коснувшись земли, огляделся в поисках укрытия. Вокруг расстилался полого спускавшийся к берегу луг, покрытый увядшей травой. Вдалеке темнели спасительные деревья, но зверёк понимал, что никаких шансов добраться до них быстрее преследователя у него не было.

Едва коснувшись земли лапами, Иртаан снова прыгнул. Острая боль в груди и грохот сердца в ушах заставили горностаю на мгновение забыть об окружающем его мире, и зверёк, скорчившись от боли и испуганно скуля, шлёпнулся в траву. Боль в прикушенном языке отвлекла его от боли в груди, и горностай вновь поднялся на лапы, потеряв драгоценную секунду. Страх призывал его остановиться и затаиться, но Иртаан вновь и вновь на бегу оглядывал луг в надежде найти что-нибудь, что могло его спасти.

Броситься к реке и плыть? У старого зверька не нашлось бы сил переплыть Травошёрстку, тем более в ледяной воде, так что собаке оставалось просто подождать его на берегу.

Забиться в нору? Сквозь буро-зелёную траву не было видно земли, да и даже если бы Иртаану сказочно повезло, и он успел бы спрятаться, преследовавшая его хищница, возможно, смогла бы разрыть смёрзшуюся землю. А если и не смогла бы — нора стала бы для горностаю отличной ловушкой.

Тем временем собака догоняла его, и зверёк уже слышал её частое шумное дыхание. Он петлял из стороны в сторону, пытаясь сбить преследовательницу с толку, но безуспешно.. до опушки леса оставались ещё многие гюрзы. По левую лапу от себя Иртаан заметил

невысокие, уже сбросившие последние листья, кусты. Они были куда ближе деревьев... но на куст не взобраться и в нём не спрятаться.

И всё же горноста́й свернул к ним. Он не знал, как они могут ему помочь, но это было всё же лучше, чем чистое поле. Зверёк со всех лап мчался к ним, сжимая зубы чтобы не заскулить от боли в груди. Вот до них остаётся совсем чуть чуть, всего-лишь полоз. Иртаан, не сбавляя скорости примеряется, как обойти куст перед ним, и тут сзади раздаётся щелчок челюстей. Хвост обдаёт горячим дыханием, и горноста́й инстинктивно прыгает вперёд, уходя от собачьих клыков. Ветки царапают его бока, он зажмуривается, спасая глаза, и, ничего не видя, касается мокрой травы. Лапы скользят, и зверёк, сжавшись от боли кувыркается по траве.

В уши ударяет истошный собачий визг, но даже он не может заставить Иртаана подняться на лапы. Он лежит на боку, обхватив грудь лапами, словно опасаясь, что сердце разорвёт её, и ждёт укуса, который закончит его жизнь.. но ничего не происходит. Скулёж сзади не прекращается, но теперь к нему добавляется запах горячей крови. Хотя горноста́й по прежнему не видит ничего, кроме пляшущих звёздочек перед глазами, боль постепенно ослабеваает, и к нему возвращается способность мыслить.

Иртаан, чувствуя, что какое-то чудо спасло его, расслабляется, перекачивается на спину и дышит глубоко и часто. Постепенно боль ослабеваает, зрение проясняется, и через несколько минут он уже способен, пошатываясь, подняться на четыре лапы. Сердце теперь не пытается выскочить из груди, хотя и бьётся как птица в зубах рыси.

Горноста́й осторожно, чтобы не упасть, поворачивается, и видит на расстоянии вытянутой лапы свою преследовательницу. Она лежит в луже крови, чуть пониже правого уха из её шеи торчит окровавленная деревяшка. Позади куста, меж веток которого проскочил Иртаан, оказалось поваленное дерево. Должно быть оно не выдержало бури, на которые было богато ушедшее лето, и сломалось у самой земли. Острый, расщеплённый конец ствола смотрит прямо в сторону куста. В пылу погони борзая не заметила его, и прыгнула, ожидая, разве что, ободрать свои бока об упругие ветки, но напоролась на него горлом.

Из раны толчками вытекает горячая кровь, и облако пахучего пара поднимается над ней. Собака ещё дышит, коротко и отрывисто, но посмотрев на вываленный, ставший почти белым, язык Иртаан понимает, что конец её близок.

Зверёк делает неуверенный шаг, и умирающая замечает его. Иртаан видит, как зятянутые мутной плёнкой глаза поворачиваются в его сторону.. Собака силится что-то сказать, но язык не слушается её, и горноста́й разбирает лишь «Прости.. не должна была охотиться.. так голодна.. Звёзды наказали..». По её телу пробегает судорога, и она сползает на траву. Проткнувшая ей горло острая щепка выскальзывает из раны, и оттуда ручьём течёт кровь. Она с хрипом выдыхает воздух, её хвост дрожит, размазывая кровь по снегу, и она затихает.

Иртаан сидит и смотрит на то, как жизнь покидает тело собаки. Он не движется, он понимает, что ни один лекарь не сумел бы здесь помочь. И хотя всего несколько минут назад она намеревалась отнять его жизнь, горноста́й ощущает сочувствие, отозвавшееся тянущей болью в груди. Или это просто боль от не успокоившегося ещё сердца?

Что привело эту южную борзую сюда, так далеко от Псогара, в это время года? Странствовала ли она в одиночку? Быть может она была такой же бродягой, как и он сам? Иртаан догадывался, что ответов на эти вопросы он не узнает. Он был уверен только в том, что её путь закончился здесь, на промозглом лугу, недалеко от истока Травошёрстки.

Горноста́й чтит законы хищников, и потому не притронулся к ещё тёплому телу, хотя мог бы наесться до отвала. Следовало похоронить собаку, но Иртаан понимал, что у него не хватит сил не только на то, чтобы вырыть могилу такого размера, но и просто сдвинуть тело с места. Несмотря на то, что сквозь пропитанную кровью и растаявшим снегом мех явственно проступали рёбра, собака была во много раз тяжелее его. Зверьку оставалось лишь уповать на то, что путь собачьей души в Небесное Гнездо будет лёгким, а о теле позаботится какой-нибудь более крупный зверь прежде, чем до него доберутся падальщики.

Иртаан сидел на стволе дерева, убившего собаку, и думал. Эта охота и спасение ценой чужой жизни словно бы встряхнули его, заставив подняться из глубин к поверхности давние мысли. Быть может, думал он, это и в самом деле знак богов и боги на самом деле против неестественной охоты хищника на хищника? Но ведь любая охота — это, в конце концов, чья-то смерть? Или добычи, или, как сейчас, охотника. И если боги против охоты на хищников, то почему они одобряют охоту на травоядных? Ведь они тоже живут, любят, радуются каждому дню..

Горностай вспоминал свою молодость, то, как он сам охотился, и вина щемила ему грудь. Сколько он отнял жизней? Сотни? Тысячи? Иртаан пытался понять, каково это, быть не хищником. Жить, и каждый день быть готовым к тому, что родные, друзья, любимый погибнут, просто чтобы продлить жизнь хищника ещё на день? Почему они не бунтуют, почему они не пойдут войной на нас? Горностай не знал ответа... Но на другой лапе была его собственная жизнь. Если бы он не охотился — его путешествие сквозь годы закончилось бы едва начавшись. Так что же — ценой жизни всегда должна быть смерть другого? Зачем празвери установили такой порядок?

А может быть — и вправду знак? Может быть Звёзды послали сюда эту борзую чтобы подать знак ему, Иртаану? Ведь когда то, в навсегда ушедшей юности, некие звери предлагали ему ответ на вопрос о цене жизни. Тогда он отказался от него, как от первого шага на пути, ведущем в Надмирье, но был ли он прав?

Предложение, вспоминал горностай, оставалось в силе до самого конца его жизни. И сейчас, чувствовал он, конец близок. Быть может — боги хотят, чтобы он воспользовался им? Да, предложенное ему было ужасно, и, несомненно, привело бы его в Надмирье. Но возможно, думал зверёк, это просто достойная цена? Раз плата за его, Иртаана, жизнь — сотни и тысячи смертей, то, возможно, гибелью души можно можно заплатить за то, чтобы смертей больше не было?

Горностай не знал точного ответа... но, если он умрёт здесь — то он и не узнает его. Попытка же... Иртаан в лучшие свои годы отличался немалым безрассудством, возможно для него настала пора вспомнить молодость?

Как бы то ни было, была ли смерть собаки знаком или нет, но Иртаан понял, что у его последнего путешествия появилась цель.

За то время, как горностай размышлял об этих, понятных только ему, вопросах, его сердце, кажется, совершенно успокоилось. Тем не менее, не рискуя напрягать его, Иртаан неспешно прошёл по своим следам и, к счастью, обнаружил свою наспинную сумку в целостности и сохранности там, где он её и сбросил в начале погони. Завязана она была крепко, и кусочки сушёной оленины, которой поделилась с ним Эрньо, всё также наполняли её. И хотя теперь, после произошедшего, они не лезли в горло зверьку, он заставил себя плотно наесться. Его жизнь стала внезапно слишком ценной, чтобы потерять её, не добравшись до цели. А цель, хоть и не была очень далека, находилась в таком месте, в котором на дружеское угощение рассчитывать не приходилось.

Подтянув потуже лямки, чтобы болтающаяся на спине сумка не замедляла его шаг, Иртаан опустил на четыре лапы, и направился прямо на восток.

К тому времени, когда Солнце скрылось за тяжёлыми тучами, окутавшими западный небосклон, Иртаан добрался до границы Кручинной Пустоши — так честные звери называли лес к востоку от истока Травошёрстки. Здесь жирная почва Далетравья сменялась невысокими, отлогими песчаными холмами, над которыми возвышались чёрные, опалённые стволы невысоких сосен. Дождевая вода с лёгкостью находила путь сквозь песок, и пустошь была окружена множеством родников, вода которых разбегалась от неё во все стороны. Один из таких ручьёв и был истоком реки. Лесу в самой пустоши вечно не хватало воды, и деревья в нём росли какие-то раскоряченные, изломанные, не такие, каким положено быть здоровым соснам. К тому же, привлечённый иссушенным летней жарой деревом, сюда не раз наведывался огонь, и лес не успевал оправиться от одного пожара, как случался другой.

Здесь, в местах, бедных на добычу, никто не хотел жить, за исключением тех, кому путь в более гостеприимные места был заказан. Говорили, что там, в сердце сгоревшего леса, среди обугленных мёртвых деревьев есть целый город, населённый ворами, работорговцами, убийцами и просто недобрыми зверьми, не желавшими мирно жить по законам Далетравья. Матери, бывало, пугали неугомонных детёнышей, что если они не уснут тотчас же, то к ним придёт чёрная кошка из Подлого Города, что в Кручинной Пустоши, и унесёт их с собой. Иртаан, впрочем, знал, что те кошки не обязательно черны, но в том, что они могут унести детёныша, чтобы продать его за пригоршню травей в рабство, не сомневался.

К счастью, Иртаанова цель лежала не там, а восточнее, тем не менее на пути к ней ему предстояло обогнуть Пустошь. Не желая подвергать свою шкуру излишней опасности, горноста́й отступил от границы и двигался на север до тех пор, пока острый запах сгоревшего дерева не перестал ощущаться. Здесь он нашёл ямку меж корней старого каштана, стянул с себя сумку, обернулся вокруг неё, положил кончик хвоста под голову как подушку, и уснул беспокойным сном после этого долгого, изменившего его путь, дня.

Проснулся Иртаан от того, что луч по-зимнему позднего солнца коснулся его мордочки и, дразня старого зверя, пощекотал его нос. Горноста́й чихнул, и этот негромкий звук услышала отдыхавшая среди ветвей ворона. Она пронзительно каркнула в ответ, и, взмахнув крыльями, снялась с ветки. Эти звуки неприятно ударили по чутким ушам зверька, он встал, вытянулся и посмотрел в след улетающей птице. Затем Иртаан обернулся, и, увидев Солнце высоко над вершинами деревьев, понял, что спал он очень долго, впрочем, это не играло большой роли. Он знал, что даже в своём нынешнем дряхлом состоянии ему не составит труда добраться до цели до заката. А там... впрочем, в том, что случится тогда, у него уверенности не было. Тем не менее зверёк знал, что еда ему уже больше не понадобится, а сумка с ней только зря давит на его ноющую спину. Потому он наскоро позавтракал, поглотив столько мяса, сколько мог вместить в себя его желудок, избавился от жажды, съев немного свежавыпавшего снега и, взобравшись на дерево, прицепил свою сумку с остатками еды на ветку. Раз ему она не пригодится, то пусть хоть синицы порадуются.

Теперь ничто не мешало Иртаану путешествовать налегке, из вещей у него осталось лишь кольцо в левом ухе, и горноста́й, ободрённый тем, что скоро его судьба решится, короткими перебежками двигался на восток, стараясь не удаляться и не приближаться к границе Кручинной Пустоши. Он двигался вперёд, оставляя на снегу следы крошечных лап, затем замирал, принохиваясь, не несёт ли ветер запах какого зверя, и снова шёл вперёд. В какой-то момент он ощутил слабый кошачий запах, и несколько минут удалялся от границы, а затем ждал, затаившись, пока он не рассеялся.

Приближаясь к своей цели он вспоминал, как когда-то, лет, кажется, сто назад, он впервые пробирался по этим краям. В то время он не знал ещё, какую опасность прячет в себе скрюченный лес, и потому пошёл напрямик, за что и поплатился — когда до восточной границы пустоши оставалось всего ничего, и за соснами уже были видны высокие кроны каштанов, за ним увязалась пара гиен — пятнистая и полосатая, явно с не самыми лучшими намерениями. Они, смеясь и крича о том, что он никуда он не уйдёт, гнали его на восток, до тех пор, пока он не сумел немного оторваться от них, и не взлетел стрелой по толстому стволу старого дерева.

Последующее было как в тумане, Иртаан помнил лишь внезапно охвативший его страх, хотя, казалось бы, опасность уже миновала, и падение с высокой ветки. На этом его воспоминания обрывались. Он много раз пытался вспомнить, что происходило дальше, но всякий раз у него ничего не получалось. Зато то дерево, с которого он упал, запомнилось ему в мельчайших подробностях, и найти его не составляло для него труда. Несколько раз горноста́й возвращался к нему в молодости, размышляя о произошедшем... теперь же он пребывал в уверенности и был готов. То, что ждало его впереди, страшило — но он понимал, что жить ему осталось недолго, и остаётся только принять свою судьбу.

Так, в размышлениях и воспоминаниях Иртаан и провёл остаток пути, и когда усталое зимнее Солнце коснулось тёмных вершин леса, он вышел к дереву из своих воспоминаний.

Чёрная кора покрывала уходящий ввысь на многие гюрзы ствол, ветви были голы, лишь иногда то там, то тут, взгляду горностая попадались задержавшиеся блёкло-рыжие листья. Зверёк поднял мордочку к небу и прикинул высоту, на которой находилась толстая, почти горизонтальная ветка. Сколько до неё было в змеях он не знал, но высоко, очень высоко.

Иртаан подпрыгнул, уцепился коготками за кору и принялся настолько быстро, насколько позволяли больные суставы, по спирали подниматься по стволу. Время от времени он останавливался и, наклонив мордочку на бок, смотрел, далеко ли земля и много ли ещё ему взбираться. Во время одной из таких остановок зверёк и заметил нечто странное — кора не так сильно холодила подушечки лап, как должна была в это время года, к тому же она слегка проминалась под когтями. Иртаан прижал нос к дереву и тщательно принюхался — деревом это дерево не пахло. Вместо привычного букета запахов — влажной и сухой древесины, личинок жуков, зимующих под корой, и лишайников он почувствовал смутно знакомый, слегка резкий металлический запах.

Несколько минут горностай оставался в неподвижности, пытаясь вспомнить, где он уже встречал его, и наконец память старого зверька дала ответ — ответ, ошеломивший Иртаана. Чтобы проверить свою догадку он крепко прижал к коре коготь, словно пытаясь проколоть её, и резко убрал лапу. На коре явственно был виден постепенно разглаживающийся отпечаток, прошло немного времени — и от него не осталось и следа. Теперь Иртаан был уверен, мысли роились в его голове, словно потревоженные пчёлы: «Так значит они здесь? Но почему они ничего не делают? Раз они здесь, то нужен ли им я? Или они не смогли пройти дальше?» Ответы на эти вопросы горностай мог получить лишь продолжив свой путь. Но прежде, чем сделать это, он решил изучить это странное дерево подробнее — это не заняло бы много времени.

И вот уже зверёк вновь карабкается ввысь, толстая ветка, на которую он хотел забраться, осталась далеко внизу, сам же он приближался к кроне дерева. Иртаан постоянно принюхивался и оглядывался — запах оставался тем же самым, непохожим на аромат зимнего дерева. Зрение же преподнесло ему сюрприз — оглядывая ветви в очередной раз он заметил, как в кроне что-то блеснуло, словно паутина, висящая между ветвями. Конечно же зверёк не мог проигнорировать этот блеск, виданное ли это дело — паутина зимой — и, перебираясь с ветки на ветку он направился к нему. Подобравшись вплотную он убедился — да, как это ни странно, растянутая между тонких веточек, слегка покачиваясь и блестя на ветру, висела паутина, хоть и странная. Она была слишком симметричной, слишком круглой и правильной для паутины, сплетённой пауком.

Иртаан осторожно приблизился к ней, принюхался, ощутив тот же самый запах, что исходил от дерева, и попытался притронуться к ней лапой. За мгновение до того, как его лапа должна была коснуться паутины, произошло нечто странное — её нити словно расплавились, в ней образовалась дырка, достаточная для того, чтобы та прошла в неё, и на нижней её части повисла толстая, словно медовая, капля.

Иртаан испуганно отдернул лапу и увидел, как постепенно, словно бы вырастая снизу вверх и ветвясь, образуются новые нити, закрывающие дырку. Он снова поднёс к паутине лапу — и снова дырка, отодвинул — и вновь зарастает. «Эта штука явно не хочет, чтобы её трогали» — решил горностай.

Оглядевшись с высоты своего положения Иртаан заметил ещё несколько десятков таких же паутин, разбросанных по лишённой листвы кроне, и странное дело — все они смотрели плоскостью на восток. Чем бы они не были — такое их положение явно было неспроста. Горностай посидел ещё несколько минут, размышляя о том, что же это такое, и, так и не придя ни к какому выводу, начал спускаться — раз уж он решился на то, что он собирался сделать, то медлить не следовало.

Иртаан спустился по стволу до нижней, толстой ветви и перебрался на неё. Как ему говорили, лет сто назад он, спасаясь от погони, свалился с этой ветки, что и определило его дальнейшую судьбу. Сам зверек, однако, не мог этого вспомнить сколько не старался, но сейчас ему предстояло в точности повторить тот прыжок из прошлого. Горностай

разглядывал глубоко-чёрную, слегка припорошённую снегом кору, пытаясь найти следы вековой давности — но, конечно же, ничего не находил. Оставалось надеяться на чутьё и удачу... Иртаан покрутился на ветке, примериваясь, развернулся мордочкой на восток, напружинился и с мыслью «Прощай, Миролапье, спасибо тебе за всё, за радости и горести» прыгнул вниз. Свист ветра в округлых ушах.. горноста́й сжался в комочек, ожидая удара о землю..

Вот и удар.. однако он не переломал зверька, оставив от него только кровавое пятно на белом снегу. Нет, Иртаан словно бы упал на растянутое над землёй полотно. Падение плавно замедлилось и с громким хлопком полотно лопнуло, пропустив зверька сквозь себя. Горноста́й шлёпнулся кверху брюхом на мягкую подушку зелёной травы.

Потирая ушибленную спину зверёк поднялся на лапы, и лишь после этого осмелился выдохнуть. «Жив, пока что жив!» — возрадовался Иртаан своему небольшому успеху. Яркий, совсем не зимний свет заставил его зажмуриться, и лишь когда глаза привыкли к нему, он принялся разглядывать окрестности. За его спиной до самого неба возвышалась словно сделанная из тонкого льда стена, сквозь которую можно было разглядеть искажённый, как в кривом зеркале, зимний лес на границе Кручинной Пустоши. Вдоль стены тянулась неширокая, в пару десятков гюрз, полоска бугристой песчаной почвы, почти полностью покрытая молодой, ярко-зелёной травой. Она, как и льдистая стена, уходила в стороны насколько хватало взгляда. Посмотрев вперёд, Иртаан увидел, что за полоской земли нет ничего, в буквальном смысле ничего — земля, трава, ярко-голубое небо — всё растворялось в неподвижном сером тумане. Одного взгляда хватило горностаю чтобы понять — туда ходить не следует, заблудишься — так и будешь вечно бродить в серой мгле, пока не умрёшь от голода.

По левую лапу от Иртаана, там, где сквозь стену просвечивало дерево, с которого он спрыгнул, по эту её сторону, из земли выростала огромная, много выше него, иглообразная конструкция, обрамлённая полупрозрачными, бело-голубыми пластинами, висящими в воздухе. Отсюда было видно, что паутины были направлены именно на неё, а пластины, в свою очередь, на дерево. Из земли вокруг иглы выступали купола, сделанные, на вид, из золотистого, такого же как она сама, металла — будто кто-то закопал вокруг неё огромные металлические шары.

Когда Иртаан в прошлый раз был здесь — этой штуки здесь не было. «Зачем она им понадобилась?» — подумал горноста́й.

Вокруг стояла совершенная тишина — ни криков птиц, ни скрипа деревьев не доносилось из-за стены, даже воздух — и тот стоял недвижим. Зверёк чувствовал — это место несёт в себе умиротворение, здесь ничего никогда не происходит, только вечное спокойствие укрывает всё вокруг.

Оказавшись здесь, Иртаан в первую очередь подошёл к стене и потрогал её — несмотря на то, что она выглядела как лёд, она не была ни холодной, ни твёрдой — больше всего по ощущениям напоминала она ему надутый рыбий пузырь. Стоило нажать сильнее — и она поддавалась, проминаясь под лапой. К тому же, в отличие ото льда, она не оставляла мокрых следов.

Сильно нажимать горноста́й не решился — он помнил, как в прошлый раз после такого нажатия стена лопнула, и он очутился в Миролапье. И если в тот раз возвращение было желанно, то теперь оно означало бы необходимость в ещё одном рискованном прыжке.

Ненадолго Иртаана заинтересовала мысль — где он окажется, если пройдёт вдоль стены и войдёт в Миролапье в другом месте... будь он помоложе, он несомненно проверил бы, сейчас же зверёк не хотел рисковать... да и была у него другая задача.

Горноста́й огляделся и нашёл небольшую ложбинку промеж бугров, перебрался в неё, сел на задние лапы и, немного повозившись, вытащил кольцо. Оно, несмотря на небольшой размер, было весьма тяжёлым — так, что за долгие годы ношения одно ухо даже стало слегка ниже другого. Иртаан повертел его, разглядывая — кольцо было сделано из серебристого и золотого металлов, слои которых переплетались так, будто кто-то плохо смешал две краски.

Оно было ровным, круглым, по боковой его поверхности тянулась волнистая синяя линия. Нижняя часть была украшена крупным, глубоко-синим, округлой формы камнем. Само кольцо, если принюхаться, источало слабый даже для нюха горностаый запах, чем-то похожий на то, как пахло дерево, с которого Иртаан прыгнул.

Зверек зажал кольцо промеж задних лап и ухватился за камень передними. Он напрягал все силы, пытаясь повернуть его, но безуспешно. Предприняв несколько попыток, Иртаан сжал камень в зубах и рывком потянул на себя. Раздался резкий щелчок, будто сломалась сухая ветка, и камень поддался. Горностаый тут же разжал челюсти, легко, без особого усилия, повернул его, выпустил кольцо из лап и белой стрелой метнулся за ближайший холмик. Там он прильнул к земле, прикрыл уши лапами и принялся напряжённо ждать.

Сначала ничего не происходило, затем раздался гром, заставивший Иртаана вздрогнуть всем телом, и вспышка пронзительного бело-голубого света ослепила его. Несколько минут горностаый лежал распластавшись в траве, накрыв голову лапами и боясь пошевелиться. Ничто, однако, не нарушало более тишину, и, наконец, зверёк открыл одно ухо, затем второе, осторожно поднял голову и принюхался. В воздухе ощущалась свежесть, та, что бывает после долгой грозы, смешанная с запахом дыма.

Осторожно переставляя лапы и поминутно замирая, Иртаан выглянул из-за холма. На том месте, где он оставил кольцо, светился багровым светом круг раскалённой земли. По его краям тлела трава и белый дым от неё стремительно улетал вверх, захваченный горячим воздухом. Кончиком носа горностаый ощутил жар, исходящий от этого места. Самого кольца нигде не было видно — возможно оно сгорело без остатка, а может погрузилось в расплавленную землю..

Зверёк подался назад и спрятался за край холма. «Чтож, я сделал всё, что в моих силах, теперь остаётся только ждать» подумал он. Минута проходила за минутой, но ничего не происходило в этом наполненном спокойствием месте. «Быть может, они забыли?» — промелькнула тревожная мысль. «Нет, не может быть. Вырастили же они эту..» — Иртаан на мгновение задумался, подбирая подходящее слово - «иглу» и повернул мордочку в её сторону. Приглядевшись он заметил, как дрожит, словно над согретыми солнцем камнями, воздух вокруг плоскостей, полукругом окружавших её. Подождал ещё — и вновь выглянул. Земля на том месте, где исчезло кольцо, успела покрыться коркой, блестящей на краях пятна как стекло, но всё также багровела, источая жар.

Иртаан вновь спрятался за холм и решил, что ему стоит найти место, где бы он мог загнестись — кто знает, сколько времени может продлиться ожидание. Зверек знал, что те, кого он ждал, найдут его, где бы он не был, и потому без страха принялся изучать окрестности.

Впрочем, предмирье, как его называл про себя горностаый, не было богато на достопримечательности — лишь золотистая игла вносила разнообразие в монотонный пейзаж, но и к ней он не смог подобраться... Стоило ему приблизиться к выступавшему из земли куполу, как зверёк ощутил чужеродную мысль:

<Остановись и отойди, приближаться — опасно>.

Мысль эта настойчиво и монотонно повторялась в его голове — и Иртаан, решив не испытывать судьбу, отступил от интересовавшей его конструкции. Он отчётливо вспомнил, как в молодости чуть было не отправился на Дальние Луга, коснувшись чего-то подобного, и от этого воспоминания его голова зачесалась, будто бы покрытая шрамами.

Кроме иглы зверёк не нашёл ничего, что могло бы привлечь его внимание, и потому выбрав место, где трава была пышнее, принялся обустривать гнездо. Он закрутился на одном месте, вырывая травинки и собирая их в кучу, свернулся на ней, прикрыв нос чёрным кончиком хвоста, поворочался, устраиваясь поудобнее и принялся ждать. Тишина и спокойствие предмирья, вскоре сморили его и Иртаан, сам того не заметив, уснул.

Сны ему снились необыкновенные — были в тех снах и диковинные звери, огромные и крошечные, четверолапые, двуногие и даже шестилапые, и невиданные места — бескрайняя пустыня, залитая сине-голубым светом, лес, где деревья росли так плотно, что под их

ветвями царил вечный сумрак, молочно-белый город и чёрная, великая пустота. Снились огромные лапы, игравшие с ним и бережно гладившие его, снились вещи, названия которых не было в его языке и чувства, никем из миролапских зверей не испытанные. Иртаан ощущал и осторожное прикосновение огромного синего языка к своему межлапью, и жар упругой плоти, нежно сжимавшей его. Вновь, словно в молодости, испытал он сладостное чувство открывшееся ему, когда его семя впервые излилось в огромную пасть, способную вместить его целиком... Горноста́й спал, и сквозь сон дёргал бёдрами, и розовый кончик его члена выступал из покрытых нежным белым пушком ножен.

Часть 2. Выше, чем Надмирье.

Сон изменился — теперь Иртаан ощущал не желание, а приятную усталость. В своём сне он лежал, ощущая спиной тепло белого песка, и гигантская белая зверица щекотала ему грудь кончиком огромного, в половину его роста, когтя.

Зверьку не хотелось просыпаться, он желал продлить это прекрасное ощущение, которое он не испытывал вот уже почти век лет, но тихая, словно шёпот и осторожная как он сам, мысль выталкивала его из сна.

Открыв глаза, Иртаан не сразу осознал что проснулся — словно во сне он лежал на чём-то тёплом, прикрытый невесомым одеялом. Зверёк моргнул, его взгляд сфокусировался и первое, что он увидел, были два тёмно-синих когтя, принадлежавших огромной лапе, лежавшей у него на груди. Горноста́й вздрогнул и попытался вывернуться из под неё. Впрочем, через мгновение, окончательно проснувшись, он понял, что никакая опасность ему не грозит и что те, кого он ждал, ответили на его зов.

Иртаан высвободил передние лапы, и, ухватившись за коготь, выбрался из под тёплой, покрытой белым мехом, подушечки. Он сел, пригладил мех и задрал голову, рассматривая нависавшего над ним зверя, пытаясь понять, встречался ли он с ним раньше.

Тяжёлая голова, широкая морда. Длинные клыки, спрятанные в покрытые мехом сумки. Мощная шея, охваченная тяжёлым металлическим ошейником. Пушистые подвесы, начинавшиеся на горле и спускавшиеся до широкой груди, лапы, толстые как ствол молодого дерева... Да, несомненно это было существо из его прошлого, но знал ли он его? Для Иртаана все звери этой породы были на одну морду.

Горноста́й продолжал разглядывать недвижимо сидевшее перед ним существо. Иртаан опустил взгляд и заметил позади него ещё двух зверей, лежавших на траве, подобрав под себя лапы. Судя по их желтоватому, лишённому сиреневого оттенка, меху, складкам на шкурах и голубым, словно бы выцветшим глазам зверёк решил, что все трое, должно быть, очень стары.

<Интересные же тебе снятся сны, Ир-Тхаан... Часто ли ты видишь такое?> — ощутил он в себе мысль, будто бы произнесённую низким, но мягким голосом. Горноста́й почувствовал, что вопрос задан в шутку и не требует обязательного ответа. Тем не менее, он произнёс «Нечасто. В молодости, когда мне очень хотелось йиффа — чаще, а сейчас... сейчас я уже и забыл, каково это. Век без хвостика прошёл, как никак.»

Мордочка горноста́я с закрытой пастью и прижатым к губам когтем — такой образ увидел Иртаан. <Вслух — необязательно, мы и так тебя слышим, о благородный зверёк. Если желаешь — сможешь, вскорости, освежить воспоминания. Впрочем, думаем, что ты сюда пришёл не за йиффом.>

«Да... не за ним» — подтвердил горноста́й. О йиффе он не вспоминал уже многие годы. С возрастом желание угасло, что, наверное, даже к лучшему. В молодости горноста́й буквально лез на деревья от жажды йиффа и невозможности её удовлетворить ни с кем из миролапских зверей.

«Я пришёл потому, что готов принять ваше предложение. И, прости, но скажи, пожалуйста, кто вы. Я не узнаю вас» — подумал Иртаан со смущением, вовремя вспомнив, что произносить слова не стоит.

Фырк-смешок <Не узнал? Ар Синнари, Иссэр Реларри, Ин Ассар, служба первого контакта.>

<Синнари?> — удивлённо наклонил голову Иртаан. <Вы ведь живёте очень долго, и в тот раз ты была совсем юной... Сколько лет прошло на Йеррхао?> — внезапно вспомнив о том, как ему рассказывали о неравномерности времени, спросил горностаёй, и услышал ответ от зверя, лежавшего по правую лапу от Синнари, очевидно Реларри, вычислителя: <Оценка 7361, погрешность $\pm 3.4 \cdot 3^{-28}$ миролапских лет, доверительный интервал...>

Иртаан не стал слушать, чему равен доверительный интервал, тем более что для него это понятие не несло никакого смысла.

<Семь тысяч лет?>

<Да. Ваше время течёт медленнее нашего. Честно говоря, мы предполагали, что больше никогда тебя не увидим.> *Белый зверь, ходящий на одном месте восьмёрками.* <Мы рады, что ты изменил своё решение. Мы чувствуем, что у тебя есть вопросы. Позволишь ли ты нам заглянуть в тебя?>

Горностаёй задумался, почесал лапой за ухом и, в конце концов кивнул. <Хорошо, так и в самом деле будет проще.>

Синнари плавно легла, протянула Иртаану лапу и подняла к небу полупрозрачные, светящиеся сине-фиолетовым светом, выступавшие, как и у всех зверей её вида, сзади головы, рога. Зверёк замер, пытаясь остановить мысли в своей голове и приготовиться к тому, что сейчас произойдёт. Из лапы зверицы протянулся гибкий, неярко мерцающий, похожий на хвост змеи отросток. В тот момент, когда он коснулся головы горностаёй, тот встряхнулся на месте — такова была произвольная реакция Иртаана на ощущение присутствия чужого существа в его сознании. Несколько минут он терпеливо сидел неподвижно, наблюдая за тем, как всплывают в его памяти разнообразные воспоминания... Затем лиловый отросток исчез, и Синнари осторожно погладила зверьку по спине одним пальцем.

<Расслабься, мы закончили. И — будь спокоен, ты не зря проделал свой путь, ты по-прежнему нужен нам и Миролапью.>

<А как же то дерево?> — мысленно задал вопрос Иртаан. <Вы ведь проникли сквозь границу...> — неуверенно подумал он.

<Можно сказать, что и да, и нет, Ир-Тхаан. Мы смогли перебраться за границу весьма простую машину...> *Муравейник с металлически-блестящими муравьями, один из них перебегает сквозь границу, муравьи сцепляются друг с другом, образуя силуэт дерева* <... однако это всё, что мы смогли сделать за это время. Машина собирает информацию о твоём мире, но он сопротивляется. В результате она работает медленнее, чем...> — горностаёй почувствовал, как Синнари что-то обсуждает со своей тройкой, — <... чем ваши почтовые крыланы. Так что если ты готов — одевайся и полезай внутрь.>

<Туда?> — пошутил зверёк, вообразив распластавшуюся по песку Синнари с отставленным в сторону хвостом.

<Нет, не так.> — ответила та. *Иртаан, выглядывающий наружу из кармана сбруи, что у неё на животе.* — <Вот так.>

<Подожди самую малость. Подойдите ко мне.> Два зверя, что лежали за спиной Синнари поднялись, обступили Иртаана и снова легли. Теперь, когда горностаёй оказался в самом центре круга, он мог дотронуться до сумок каждого из них не двигаясь с места. Зверёк коснулся морды зверицы, зацепился коготками за золотые на вид колечки, множество которых было вставлено в кожу сумок, и взобрался ей на морду. Там он прижался к ней, и потёрся щекой о нежный мех.

Реларри и Ассар наклонились к нему, и тоже потёрлись об него, оставляя на меху Иртаана полузабытый запах — похоже пахнут старые медные вещи. Горностаёй осторожно прыгнул на траву и тут же попал под лапу накопителя, который перевернул его на спину и погладил зверьку по горлу меховой перепонкой, растянутой между пальцами.

Когда Ассар закончил, Иртаан опустился на четыре лапы и подумал призывно — <Вот теперь я готов.> Спустя мгновение он ощутил внутри себя картинку — *горностай, стоящий у левого бока Ин Ассара, трогаящий надетую на того широкую шлейку* Зверёк последовал призыву, содержавшемуся в этой картине, обежал лежащего накопителя, встал на задние лапы и коснулся металлически-блестящей выпуклости, выступавшей на сбруе Ассара.

Сверху посыпалась пыль, Иртаан вдохнул её и, зажмурившись, чихнул. Когда горностай открыл глаза — он увидел, что стоит посреди кучи тончайшей, словно споры грибов-пыхтунов, серой пыли, которая, очевидно, высыпалась из выпуклости на сбруе. Самой же её на прежнем месте не было, вместо неё, словно бы примагнитенные, прилипли к металлической полосе на боку зверя крошечные, под размер Иртаана, браслеты на все четыре лапы, кольцо непонятного назначения, ошейник, соединённый с металлической шлейкой, подобной той, что носили саблезубые звери, и маленький предмет странной формы.

Горностай потянулся к ним — и предметы будто бы сами скользнули в его лапы. Он отступил на шаг назад, и пыль, покрывавшая траву серым налётом, маленьким вихрем поднялась в воздух. Иртаан неподвижно наблюдал за тем, как она прилипает к сбруе Ин Ассара, вновь образуя выпуклость. Не опускаясь на задние лапы он встряхнулся — и облачко пылинок поднялось над ним, устремившись к накопителю.

<Я помогу надеть> — почувствовал горностай призыв Ар Синнари. Держа в передних лапах массивные «украшения» он подошёл к ней, положил их перед собой, и сел на задние лапы. *Образ горностая, вытягивающего переднюю левую лапу* Иртаан послушался, и вытянул лапу перед собой. Зверица сосредоточено посмотрела на лежащий на земле браслет и тот неспешно поднялся в воздух и поплыл к лапе зверька. Когда до неё оставалось совсем немного — часть браслета исчезла, образовав прорезь, сквозь которую прошла конечность Иртаана.

Как только браслет оказался на лапе, отсутствовавшая его часть появилась вновь, и горностай почувствовал покалывание в том месте, где неизвестный ему металл касался его меха. Иртаан ощутил тяжесть украшения и согнул лапу, рассматривая его. Округлый, без острых граней, браслет обхватывал его конечность, не сдавливая её, но в то же время не сползая. Его поверхность была похожа на отполированное серебро, и зверёк увидел в ней забавно искажённое отражение своей морды. С наружной стороны лапы браслет украшал овальный тёмно-синий камень, больше всего напоминавший горностаю тот, что был на кольце из его уха.

<Нравится?> — ощутил Иртаан мысль, принадлежавшую Иссэру. <За то время, пока тебя не было, мы переделали твой скафандр — теперь он почти в полтора раза легче и более автономен. И ещё — в нём сюрприз, наденешь — почувствуешь>. Значения слова «автономен» горностай не знал, но он ощутил, что теперь он сможет больше времени находиться в раскалённых пустынях родины этих зверей без риска умереть от перегрева.

Осторожное беззвучное напоминание отвлекло Иртаана от изучения браслета. Он протянул вторую лапу — и через несколько мгновений на ней оказалось такое же украшение. Затем настала очередь задних лап и хвоста — оказалось, что маленькое кольцо предназначалось для него.

<Сейчас может быть немного больно> — почувствовал горностай мысль Синнари, и спустя мгновение на его спину опустились ошейник и шлейка. Их тяжесть прижала его к земле, перед глазами заплясали искры, — лапы Иртаана подогнулись, и он опустился на траву. Прошло несколько секунд, в течение которых горностай глубоко дышал и пытался не свалиться на бок, и ему стало легче. Постепенно искры рассеялись, лапам вернулась сила, и только тяжесть по-прежнему прижимала его к земле. <Почти готово, потерпи ещё чуть-чуть> — ободряющую мысль Синнари сопровождал образ зверька, поднявшего мордочку к небу. <Выдохни и задержи дыхание>.

Иртаан, понимая, что эти звери не сделают ему ничего плохого, послушно поднял голову и выдохнул. Странный предмет, назначение которого ему было до сих пор непонятно, повис напротив кончика его носа и скользнул вниз. Горностай почувствовал сильное желание

чихнуть, ощущая, как выступы этого украшения входят в его ноздри, но сдержался. <Готово, включаем> — почувствовал он мысль Синнари, и ощутил, как пропала прижимавшая его к земле тяжесть. Зверёк вдохнул — и ощутил зимнюю свежесть, непохожую на влажный и лишённый запахов воздух предмирья. Иртаан поднялся на лапы и ощутил необычную лёгкость в теле — будто то ли он стал моложе, то ли уменьшился его вес. Подпрыгнув и перевернувшись на месте он понял, что чувства его не обманывают — надетые на него украшения действительно облегчали все движения.

<Нравится? Нам пришлось немало повозиться, что уместить> — в этом месте была непонятная мысль, которую Иртаан ощутил как «то, что притягивает словно камень-тянулец» — <в таких маленьких вещах. Скафандр сам подстраивается под твои ощущения, и если захочешь — сможешь даже взлететь. У тебя будет достаточно времени, чтобы привыкнуть к нему. А теперь — пошли.>

Синнари села. По её животу, промеж двух рядов сосков, проходила полоса серебристого металла, соединявшаяся со шлейкой. *Горноста́й в металлической сбруе, касающийся спиной живота зверицы* Иртаан последовал этому указанию и, непривычно легко ступая по траве, подошёл к Синнари. Он потёрся головой о неприкрытую часть живота, развернулся и прижался к нему спиной. Его шлейка тут же прилипла к нему, металл пришёл в движение — и вскоре он оказался словно бы в норе — защищённый слоем металла и телом саблезубицы со всех сторон, кроме морды.

<Отправляемся> — почувствовал горноста́й мысль Синнари. Наступила напряжённая тишина — Иртаан чувствовал, что звери чем-то заняты и понимал, что отвлекать их сейчас не стоит. На мгновение наступила тьма, зверёк ощутил, что он падает куда-то, и вновь вспыхнул свет — не жёлтый, как летнее Солнце предмирья, а ярко-белый. Перед глазами Иртаана, заслоняя собой полный разных существ зал, где они оказались, появилась объёмная, раскрашенная разными цветами, карта, сопровождавшаяся лишённой всяких интонаций мыслью — <Аренхаар-внешняя, терминал 18-правый>.

Не успели его глаза привыкнуть к свету, как горноста́й снова ощутил падение, правда в этот раз свет не гас — просто изменился его оттенок — он стал ещё ярче и белый сменился ярко-синим. Мысль информатора была куда менее понятна — <Йеррхао-поверхность, длинна я последовательность цифр.>

Иртаан повертел головой в стороны, но живот и лапы Ар Синнари закрывали обзор, из его металлической норы удобно было только разглядывать два ряда колец, вставленные в соски эффектора. Горноста́й поскрёб металл лапой и мысленно потеревил зверицу. <Если хочешь — вылезай, хотя было бы удобнее, если бы мы несли тебя.> *Цепочка следов горноста́я, рядом с ней расстояние, покрываемое саблезубом за один шаг*<Всё же отпусти меня> — настоял Иртаан.

Синнари села, металл, окружавший зверька, рассыпался пылью и тот плавно, словно пушинка, опустился на песок. Сделав несколько шагов горноста́й вышел из тени зверицы и зажмурился, ослеплённый синим светом. Свет, пробивавшийся сквозь веки, погас; поняв, что скафандр отрегулировал фильтры, он осторожно открыл глаза. Теперь Иртаану не было больно смотреть — и он окинул взглядом окружающую его местность. Во все стороны, насколько хватало глаз, расстилались волнами дюны. В тени песок казался оранжевым, на солнце же — белым и блестящим, словно снег ясным зимним днём. Тут и там по пустыне были разбросаны странные башни — некоторые были гладкими и острыми, словно иглы, у других на иглу были нанизаны тонкие круглые диски. Время от времени от одного из таких дисков отрывались казавшиеся отсюда крошечными предметы, формой похожие на каплю, и, оставляя за собой молочно-белые следы, устремлялись в небо. Здания матово блестели, отсвечивая нежными оттенками розового и синего цветов. Горноста́й и его спутники находились у самого подножия одной из таких башен. Подняв голову к самому зениту, Иртаан увидел её вершину, увенчанную полупрозрачными бело-голубыми плоскостями. Сквозь одну из них просвечивала ослепительно-яркая синяя точка, в которой зверёк узнал местное солнце. В небе, более синем, чем небо Миролапья, белело всего лишь несколько

перистых облачков. От горизонта до горизонта по нему протянулась серебристо-серая дуга, смутно различимая сквозь толщу атмосферы. Она слегка подрагивала, видимая словно сквозь поднимающийся над костром горячий воздух.

Недалеко от Иртаана, оставляя на песке широкие следы, шла тройка зверей, в точности таких же, как его спутники, но без тяжёлой сбруи. Поравнявшись с ним все трое опустили морды к земле и прижали к груди левые лапы, и горноста́й почувствовал бессловесное приветствие, смесь из пожелания добра, поддержки, одобрения и уважения за тот выбор, который он, Иртаан, сделал.

<Пойдём, Ирр-Тхаан, мы покажем тебе место, что приготовлено для тебя. Затем мы покинем тебя —> *тройка Синнари, окружённая бесхвостыми, поднявшимися на задние лапы зверями* <— нас ждут дела. Но не беспокойся — весь вид к твоим услугам> — эта мысль исходила от всех трёх его компаньонов. Горноста́й почувствовал, куда им следует добраться, и побежал по песку короткими прыжками, наслаждаясь чувством лёгкости и вовсе не проваливаясь в него. Ар Синнари, Иссэр Реларри и Ин Ассар неспешно шагали по сторонам от него, поминутно останавливаясь, чтобы не обогнать зверька.

Спустя некоторое время песок под лапами Иртаана сменился ровной тёмно-синей поверхностью. Она слегка пружинила, и коготки горноста́я оставляли на ней неспешно затягивающиеся следы. Именно о ней вспомнил зверёк, когда взбирался по дереву-машине несколько часов назад.

Прошло несколько минут, и звери оказались у стены башни. Повинуясь безмолвному указанию, Иртаан пристроился у передней левой лапы Синнари, и шагнул вперёд, словно никакой стены вовсе не было. Он почувствовал сопротивление — не упругое, как на границе с Миролапьем, а слабое, словно уткнулся мордой в паутину — и оказался внутри стены. Взор заволок неярко светящийся бело-розоватый туман, но горноста́й не испугался — он помнил, что уже проходил сквозь эти стены почти век назад — и продолжал шагать.

Через несколько шагов туман рассеялся, и он оказался в коридоре, огромном, словно зал. Пол, покрытый знакомым ему тёмно-синим веществом, плавно изгибался и переходил в матово-белые стены. На высоте, около изгибающегося словно арка потолка по стенам тянулись ярко светящиеся синие полосы светильников.

Иртаан посмотрел по сторонам — коридор, слегка изгибаясь, уходил в обе стороны насколько хватало глаз. В нескольких местах были видны проёмы — то ли коридор ветвился, то ли там располагались комнаты. Один из таких проёмов был совсем недалеко — заглянув в него, Иртаан увидел несколько зверей, кучей разлёгшихся на мягком полу. Один из них, лежавший на спине, взглянул на горноста́я и тот почувствовал ощущение поглаживания.

Следуя за своими спутниками, зверёк свернул в один из проходов и оказался в круглом помещении с куполообразно изогнутым потолком. На полу было нарисовано светло-голубым кольцо в несколько гюрз в диаметре. *Горноста́й, сидящий в центре кольца* — поймал Иртаан мысль Синнари. <Мысленно произнеси «Жилище Иртаана», находясь внутри круга> — продолжила она. <Здание покажет тебе путь внутри себя, ты не заблудишься. Нам же пора по делам. Когда окажешься у себя дома — спроси скафандр о том, что тебе делать дальше. До скорой встречи, благородный зверёк.> Саблезубы собрались внутри круга, в то время как горноста́й остановился за его пределами. Спустя мгновение круг опустел, оставив Иртаана в кажущемся одиночестве.

Горноста́й хотел было походить по комнатам, посмотреть, что там, но решил, что времени ему на всё это хватит — и потому неспешно подошёл к границе круга, принялся, убедился что ничем, кроме медного запаха телепортировавшихся зверей, не пахнет, и перешагнул границу. Когда он это сделал, Иртаан услышал вопрос <Куда?>, сопровождаемый картами и списками всевозможных мест. «Надо будет потом посмотреть, куда ведут эти пути» — подумал горноста́й и мысленно ответил машине <В жилище Иртаана>.

Круг поднялся, образовав вокруг зверька прозрачные стены, телепорт ответил <Прыгаем> и спустя мгновение информатор скафандра выдал <Уровень 891, жилые помещения>. Иртаан осмотрелся и сначала решил, что ничего не произошло — он по прежнему находился в

круглой комнате с куполообразным потолком. Вскоре, однако, он понял, что это не так — в проёме был виден не коридор, а какой-то зал. «И куда мне дальше идти?» — задался вопросом зверёк, и, не успев он додумать мысль, как получил ответ от информатора <Следуй по дорожке перед собой и вскоре окажешься дома>. Иртаан опустил взгляд — и действительно, от его лап убегала вперёд лиловая полупрозрачная дорожка. Сквозь неё просвечивал пол и горноста́й понял — на самом деле её нет, его скафандр дорисовывает её поверх той картины, которую он видит.

Следуя по ней, зверёк вышел в огромный для его размеров зал, слегка искривлённый, с такими же светящимися стенами и мягким полом, что он видел и раньше. Стены напротив казалось не было — пол и потолок внезапно обрывались в никуда, и сквозь проём зал заливал синий солнечный свет. Зал был пуст, лишь одинокий белый зверь сидел у обрыва, спиной к Иртаану.

Горноста́й наклонил голову и сощурился, вглядываясь в то место, где должна была находиться стена. «Неужели там и правда ничего нет? Это небезопасно, это не в их стиле» — подумал зверёк, и внезапно почувствовал чужую мысль: <Подойди сюда и посмотри сам, о благородное существо, не бойся.> Иртаан знал, что мысль пришла от сидящего вдалеке зверя, но объяснить, как это стало ему понятно, он не мог, как ни старался. Размышлял об этом зверёк уже в пути — он короткими прыжками, приближался к проёму. Когда до сидевшего перед ним зверя осталась пара гюрз — Иртаан перешёл на шаг, опасаясь сорваться с края, и, тяжело дыша, сел по левую лапу от саблезуба. Разгорячённой мордочкой зверёк почувствовал лёгкое дуновение ветра, прилетевшее из проёма. <Неужели и правда — нет стены?> мысленно спросил горноста́й огромного зверя. Тот опустил голову и подался в его сторону всем телом. <Не бойся, пощупай лапой, и ты всё поймёшь. А потом мы покажем тебе, какой отсюда открывается вид.>

Следуя совету, Иртаан осторожно подобрался к самому краю, сел, и провёл лапой перед собой. Его коготки коснулись чего-то твёрдого, горноста́й поскрёб ими и понял — перед ним была невидимая преграда, шершавая, словно камень, которым жители Пояса Карьяны тёрли свои лапы, счищая загрубевшую кожу.

Тем временем саблезуб, опустил рядом с ним свою лапу. Её ладонь, покрытая очень густым, похожим на войлок мехом смотрела вверх, выпущенные когти всех семи пальцев образовывали подобие клетки. Горноста́й с лёгкостью мог поместиться там, и не бояться упасть.

Зверь распрямил один из пальцев, приглашая Иртаана залезть на лапу, и тот, помедлив мгновение, ступил на тёплый мех. Саблезуб поднял лапу, и поднёс её к самой границе. Горноста́й, держась за когти, вытянулся, окинул взглядом открывавшуюся перспективу и невольно отпрянул — далеко внизу, может торос, а может и больше, блестела в солнечных лучах, пустыня.

Прошло несколько мгновений, в течение которых Иртаан убеждал себя, что никакой опасности нет и напоминал себе, что уже видел подобное, пусть и не с такой высоты.. и вот уже он вновь его мордочка показалась из-за пальца. Крепко ухватившись за когти зверёк оглядывал окрестности. Он ещё никогда не бывал на такой высоте. Вид открывался на многие десятки торосов — местный воздух был чист и прозрачен. Вблизи взору горноста́я открывалась всё та же бело-рыжая пустыня, разнообразие в которую вносили лишь шпили башен, отбрасывавшие резкие тени. Дальше белизна пустыни сменялась сплошной желтизной, с крошечными тёмными пятнами. Отсюда Иртаан не мог разглядеть, что это было. У самого же горизонта виднелось что зеленовато-синее, в чём он признал океан.

В его далёкой молодости горноста́й жил совсем в другом месте — он помнил и деревья, и зелёную траву, да и жил он тогда у самой земли.

<То был Арэнхаар, мир-для-гостей. Он более дружелюбен к таким, как ты, но неудобен для нас — как негостеприимны для тебя наши пустыни> — почувствовал Иртаан ответ на незаданный вопрос. <А то пятнистое и жёлтое — это наши степи.> *Образ растения с двумя жёлтыми, вертикально-вытянутыми листьями, окружёнными синим сиянием* <Если

захочешь — мы покажем тебе их. Пока же — позволь нам проводить тебя до твоего дома. Тебе не придётся скучать — сразу же, как осмотришься, мы ждём тебя на Иссири-Эрр, у... лекарей.>

Зверь потёрся об горностаеву спину сумками для клыков, и опустил лапу. <Здесь совсем недалеко> *Плавно изгибающаяся лиловая дорожка* <Если хочешь — мы донесем тебя.> <Было бы неплохо> — подумал Иртаан, вспоминая о том, какое расстояние ему пришлось преодолеть за последние дни. К тому же сосущее ощущение в животе напомнило ему о том, что он уже давно не ел.

Саблезуб опустил голову к самой земле и осторожно ухватил горностаю резцами за его металлическую шлейку. Иртаан очутился в воздухе и понял, что сейчас он похож на маленького котёнка — ему доводилось несколько раз видеть, как разные кошки обращались со своим потомством.

Прошло совсем немного времени — зверь за один шаг покрывал расстояние, на которое горностаю требовалось множество шажков, и пройдя по изогнутому коридору, остановился. Гостеприимный зверь опустил его на пол так же осторожно, как и поднял, Иртаан поднял взгляд и увидел на стене контур, подсвеченный тем же лиловым цветом, что и дорожка. Он сделал шаг к двери — и та рассыпалась песком, небольшая горка которого, образовавшаяся перед мордочкой горностаю, скрыла от него то, что было за ней. Горностаю взобрался на неё и замер, удивлённый — сквозь проём зеленела сочной травой небольшая поляна. Зверёк осторожно шагнул вперёд, уже догадываясь, что это не мираж, а очередное чудо, в создании которых первозвери были мастерами. Тонкая, почти неощутимая плёнка силового поля пропустила его, и Иртаан ощутил множество запахов — тёплая земля, цветы, река и какие-то насекомые. Он ещё раз принялся — и нырнул в траву. Спустя несколько минут изучения горностаю убедился, что поляна настоящая — здесь был даже небольшой ручей, вытекавший из под невидимой стены и уходивший под камни. Было тепло, видимое отсюда небо ласкало глаза старого зверька своей голубизной, трава ничем, даже на вкус, не отличалась от травы его родины — Далетравья. Укусив травинку, Иртаан ощутил сильный голод, но и он больше не был для зверька проблемой — недалеко от входа он нашёл в траве чашеобразное углубление, наполненное его любимыми шариками с мышинным вкусом, по которым он так скучал последний год.

Горностаю отвлекся от изучения своего жилища и взглянул на дверь. Она всё также представляла собой кучу песка, около которой лежал, подобрав под себя лапы, и терпеливо ожидая, саблезуб.

<Чувствуем, что тебе понравилось. Этот кусочек мира создали> — здесь Иртаан ощутил цепочку из нескольких трудопроизносимых имён — <во время испытания своего умения. Всё, что ты тут видишь — настоящее, материальное, но сделано на основе твоих воспоминаний. Мы ждали тебя и, как видишь, подготовились. Жалко только, что ты пришёл так поздно. Впрочем главное, что не слишком поздно.> Горностаю потребовалось всего лишь пара мгновений, чтобы ощутить эту не самую короткую фразу — он вновь постепенно привыкал к способу общения его хозяев. <Спасибо за заботу> — мысленно ответил зверёк и подумал про себя, надеясь, что его не слышат: «Всё таки сильно я им нужен, раз они так стараются». <Теперь, если ты позволишь — мы пойдём. Отдохни, заряди свою защиту — и поспеши на Иссири-Эрр. Не хотелось бы, чтобы твоё тело умерло до того, как ты будешь готов.>

Закончив мысль зверь поднялся и сделал шаг в сторону. Иртаан продолжал сидеть у входа, наблюдая за тем, как песок тонкими струйками взмывает в воздух, и дверной проём зарастает от краёв к центру, словно замерзающая лужа. Наконец он полностью закрылся и, спустя пару секунд, пропал — на его месте теперь была видна опушка леса. Горностаю почесал себя за ухом, и, стоило ему пошевелиться, как он ощутил мысль какой-то машины: <Открыть проход?> *образ иглообразного здания в пустыне* Иртаан представил себя, сидящего на задних лапах, проводящего в воздухе когтем горизонтальную черту в знак несогласия, и пояснил — <Нет>. Ощущение чужого внимания тут же исчезло.

«Что ж» — размышлял горноста́й, хрустя вкусными шариками — «пока что всё идёт как нельзя лучше... знать бы, что я на правильном пути... Впрочем, отказаться я могу в любой момент... но не хочу. Обсудить всё, однако, следует».

Иртаан наелся, попил прохладной, но не слишком, воды из ручья, и, ощущая приятную тяжесть в желудке, стал присматривать место, чтобы загнестись. В конце концов он выбрал участок с самой густой травой недалеко от входа. Зверёк свернулся клубком и накрыл чёрным кончиком хвоста нос, в который по-прежнему было вставлено устройство для дыхания, и прежде чем закрыть глаза увидел, как из земли к его браслетам и шлейке тянутся металлические отростки. «Ах да, зарядить то-что-защищает-меня», понял он, уже засыпая.

В этот раз Иртаану ничего не снилось, а может быть он, будучи внезапно разбуженным, просто не запомнил своих снов. Проснулся он от луча пронзительно-синего света, падавшего на его мордочку. Зверьку потребовалась минута-другая на то, чтобы окончательно пробудиться, вспомнить события такого долгого прошлого дня и осознать, где он сейчас находится.

Его по-прежнему окружала густая трава, выглядевшая, впрочем, в лучах закатной Или-а-Нарри, скорее голубой, чем зелёной. Лес же, закрывавший вчера взор, теперь исчез с одной из сторон — на его месте было огромное, с закруглёнными краями, окно, сквозь которое свет закатной звезды и заливал жилище Иртаана.

Горноста́й потянулся, разминая старые мышцы, и неспешно подошёл к окну. Или-а-Нарри висела над самым горизонтом, в её вечернем свете пустыня казалась оранжевой, а разбросанные по ней башни отбрасывали длинные фиолетовые тени. Зверьку эта картина не нравилась — слишком непривычной она была, слишком мало зелени, слишком много оттенков синего цвета — и он мысленно обратился к машине-хранительнице этого места. Горноста́й представил, что он словно бы завешивает окно шторами тёмно-зелёного цвета и это помогло — окно потускнело и неспешно растворилось, в доме стало темно, и лишь желтоватый серп луны освещал теперь поляну, окружавшую Иртаана.

<Если бы ты остался в Мирота́пье — там сейчас была бы ночь> — почувствовал он мысль машины. <Я разбудила тебя, ты проспал восемь часов и тебя уже ждут на Иссири-Эрр. Приготовься, поешь, если хочешь> *полная чаша коричневых шариков* <и в путь, я проведу тебя>. Горноста́й согласился, на мгновение задумался, и всё же отблагодарил машину, хоть и не был уверен в её разумности.

Он умылся водой из ручья, но есть не стал — не хотелось, ведь вчера он впервые за последний год наелся досыта. Покинув дом, зверёк вновь оказался в сине-белом коридоре от которого он, по правде сказать, успел отвыкнуть за то небольшое время, что провёл в летнем лесу. На этот раз никого вокруг не было, но Иртаан чувствовал себя лучше, чем в последнее время и бодро шагал по лиловой дорожке, следуя указаниям навигатора.

Прошло около получаса, прежде, чем он добрался до круглой комнаты с нарисованным на полу кольцом — такой же, какую он видел вчера внизу. Вступив в него, горноста́й почувствовал вопрос: <Иссири-Эрр, центр экспериментальной медицины белковых форм жизни, правильно?> Он кивнул, и спустя мгновение оказался в другом месте, залотым ярким светом. <Йеррхао-внешняя, жди следующего прыжка> Не успел зверёк оглядеться, как последовала серия переходов, разделённая краткими промежутками. Наконец она закончилась, и Иртаан обнаружил себя в огромном круглом зале, стены которого, плавно изгибаясь, переходили в потолок. В них было множество проёмов, в которых горноста́й мог со своего места разглядеть другие комнаты, полные непонятных ему вещей. В одной из них горноста́й увидел бурую спину какого-то зверя, несомненно не принадлежавшего к виду его гостеприимных хозяев. «Интересно было бы познакомиться» — подумал Иртаан, но спустя мгновение отбросил эту мысль, решив, что если зверь оказался в этом месте — то он, видимо, болен и ему не до знакомства.

Голубой круг вокруг него погас и и горноста́й почувствовал сразу две мысли: первая — сообщение машины: <Иссири-Эрр, центр экспериментальной медицины белковых форм жизни, отделение кормящих-молоком-зверей, подразделение диагностики>. И вторая,

интонация которой была ему чем-то знакомой: <Подожди несколько минут, о благородный зверёк, мы скоро выйдем и встретим тебя.>

Ожидая, Иртаан изучал происходившее вокруг него. Он подошёл к комнате, в которой только что видел незнакомца и заметил, что вход в неё закрыт слегка блестящей плёнкой силового поля. Горностаи по привычке опустили нос к самому полу и принюхались — и не ощутили никаких незнакомых запахов в воздухе дыхательного аппарата, зато почувствовали на себе чей-то взгляд. Он поднял голову и увидел, как слегка кивнул ему смотревший на него сквозь плёнку саблезуб. <Не беспокойся, ты не мешаешь нам>

Иртаан сел столбиком и принялся наблюдать. Зверь, которого он увидел из круга телепорта, сидел спиной к нему. Судя по его длинным задним лапам он был неспособен бегать на четырёх... такие существа казались горностаю странными, неправильно сложенными. Горностаи уже встречали подобных ему когда был вне Миролапья в прошлый раз, и был удивлён тем, что и такие существа бывают на свете. Однажды он даже видел лысого зверя без меха, ходившего на задних лапах.

Тем временем зверь поднялся, опираясь передними лапами на пустоту — и Иртаан увидел то, из-за чего он, похоже, оказался здесь. Его левая задняя лапа ниже колена была гладкой, чёрной и блестящей. «Искусственная» — догадался горностаи, и в памяти всплыл образ волка-трактирщика, носившего деревяшку, прикреплённую к остатку лапы.

Зверёк наблюдал, как бурошкурый ложится на похожую на стол поверхность, принимающую под ним форму его тела, словно жидкая глина, когда ощутил мысль <Мы готовы, пошли>. Иртаан обернулся и замер, удивлённый.

Напротив него стоял, несомненно, детёныш. Он был в несколько раз меньше взрослого саблезуба, а его густой и на вид очень мягкий мех был молочно-белого, без синевы, оттенка. <Не узнал?> *Лежащий на спине горностаи, опутанный трубками, над ним нависает большой белый зверь*

- Гийин-арр? — неуверенно спросил Иртаан, пытаясь понять, правильно ли он вспомнил это имя.

- <Гийерр>

- Но как..? — начал вопрос горностаи и тут же всё понял. — Сменил тело?

- <Да, почти девяносто лет назад.> *котёнок, сосущий молоко у лежащего на боку самца* <Старое совсем пришло в негодность. Но возраст тела мне не помешает. Иди за мной, тут у нас есть палата для... маленьких зверьков, нам не терпится посмотреть на тебя спустя столько лет.> *Иртаан, вытянувшийся в камере какого-то прибора*

Поспешно перебирая лапками, чтобы не отстать, горностаи побежал за котёнком, направлявшимся к проёму на другой стороне зала. На входе Иртаан ощутил становящееся уже привычным прикосновение к плёнке силового поля...

Комната, расположенная за ней и вправду была приспособлена для маленьких зверьков. Не было никакой мебели, пол посередине комнаты выступал бугром. Стоило горностаю задуматься о его предназначении, как он уловил образ от Гийерра: *Иртаан, свернувшийся на нём клубком*. «Лежанка», догадался он, и продолжил осматривать комнату. В дальней её части, у самого пола в изогнутой стене темнели отверстия, словно кто-то вырыл там норы. Зверёк наклонил голову, и вытянулся, заглядывая в них.

<Не торопись, успеешь ещё побывать там. Это входы в... приспособления для изучения тела. Сначала давай снимем с тебя скафандр. Не бойся, воздух тут подобен Миролапскому.>

С этой мыслью молодой саблезуб протянул Иртаану лапу. *Горностаи, кладущий на неё свою лапку*. Повинуясь этому образу, зверёк положил свою лапу на ладонь Гийерру — и браслет, до сих пор неподвижно державшийся на ней, упал на пол — словно никакой лапы и не было. Вот Иртаан избавился от всех своих «украшений», и свежий зимний воздух, которым он дышал до этого, сменился местным. Им тоже можно было дышать, но запахи... запахи не были похожи ни на что известное горностаю прежде. Впрочем, за то время, пока он раздевался, его нюх несколько привык к ним.

<Начнём с обзорного сканирования> — с этой мыслью Гийерр указал Иртаану когтем на одну из «нор». Горноста́й повернул мордочку в её сторону и увидел, как из отверстия неспешно выдвигается матово-белый жёлоб, обведённый по краю синей линией.

<Ложись туда и ничего не бойся> — указал ему саблезуб и сопроводил свою мысль образом: *Зверёк, лежащий в жёлобе на спине, головой к отверстию*

Иртаан подошёл к норе, поднялся на задние лапы, заглянул внутрь, и, не увидев там ничего, кроме неяркого белого света, запрыгнул в жёлоб. Затем он перевернулся на спину и стал извиваться, пытаясь устроиться поудобнее. Вдруг он ощутил странную щекотку, заставившую его извиваться ещё сильнее. Зверёк приподнял голову и увидел, что жёлоб под ним меняет свою форму, так, как если бы он лежал на мягкой глине. Тогда он замер, понимая, что своими движениями только мешает... и это помогло. Спустя несколько мгновений, в течение которых Иртаану пришлось сдерживаться, чтобы не засмеяться, движение материала прекратилось, вместе с ним пропала и щекотка.

Теперь Иртаану было удобно, он лежал словно на очень мягкой подстилке.

<Мы начинаем> — почувствовал он мысль Гийерра, и жёлоб втянулся внутрь стены — <лежи спокойно и постарайся не шевелиться — так на будет удобнее изучать тебя.>

Место, в котором оказался горноста́й, и вправду было похоже на нору. На расстоянии вытянутой лапы от его носа находился светящийся неярким белым светом потолок. Спустя мгновение на нём появилась синяя точка и зверёк ощутил мысль, несомненно принадлежащую машине: <вдохни, смотри на точку и не дыши.> Иртаан так и сделал и замер, прислушиваясь к ощущениям в своём теле. Однако ничего необычного он так и не почувствовал, и спустя некоторое время точка погасла. <Расслабься, теперь можешь дышать> — уведомила его машина. Горноста́й с удовольствием выдохнул, и, чтобы отвлечься от скуки, стал вспоминать миролапское звёздное небо, представляя себе звёзды в виде тёмных точек на этом белом потолке.

Внезапно он ощутил мысль врача: <Иртаан, нам очень не нравится то, что мы видим> <Что такое?> с некоторым волнением подумал горноста́й.

<Смотри> — ответил ему Гийерр, и внезапно зверёк ощутил себя висящим в пустом пространстве. Во все стороны простиралась белая пустота, в середине которой висел ритмично сжимающийся тёмно-красный комочек, опутанный чем-то, похожим на ветки деревьев.

<Это — твоё сердце, Иртаан. То, что кажется тебе ветками — сосуды, питающие его кровью. Они в очень плохом состоянии. Здесь, здесь и здесь> — в такт этим мыслям вспыхивали ярко-красным разные участки сосудов — <бляшки, почти полностью перекрывающие кровоток. Тут> — подсветилась красным часть сердца — <перенесённый несколько дней назад мелкоочаговый инфаркт...> — Гийерр-ар задумался — <как бы тебе это объяснить... пусть будет так: часть твоего сердца осталась без крови и погибла. Полагаем, это случилось когда ты убежал от той гончей...>

<И что теперь?> — встревоженно прервал его Иртаан. <Теперь? Мы немедленно берём тебя на серию операций, будем чистить твои сосуды. Считай, что тебе сильно повезло. Без вмешательства, думаем, ты прожил бы не больше нескольких месяцев. Но не бойся, вероятность смерти во время операции пренебрежимо мала. И даже если это и случится — мы поместим тебя внутрь себя и дадим тебе выбрать — стать одним из нас или умереть.>

Почувствовав эту мысль Иртаан ощутил внезапно нахлынувшее на него спокойствие — а ведь всего пару мгновений назад ему ещё было страшно... отчасти за свою жизнь, но в большей мере за то, что ждёт его после смерти. Зверёк опасался, что выбор, который он сделал (а для себя он уже всё решил), приведёт его в Надмирье.

Впрочем, поразмышлять об этом Иртаан не успел — внезапное спокойствие сменилось сонливостью, и через несколько секунд горноста́й уснул, несмотря на непривычную позу, прямо на ложе сканера.

Гийерр-арр лёг и приблизил голову к тому отверстию, в котором скрывался зверёк. Он что-то подумал, и жёлоб с горноста́ем, беззащитно подставившим горло окружающему миру,

выдвинулся из «норы». Саблезуб осторожно взял расслабленное тельце в пасть, так что только голова торчала наружу, поднялся на лапы, постоял так мгновение-другое, и исчез, чтобы появиться вновь в одной из операционных...

Очнувшись, Иртаан не сразу понял, где он находится. Вокруг не было ни белого зимнего леса Далетравья, ни зелёной травы его нового дома, ни белого с рыжим песка пустынь Йеррхао. Горноста́й попытался было подняться, и не смог — его правую лапу охватывал тяжеленный, тёмно-жёлтого оттенка браслет, от которого куда-то за пределы его поля зрения тянулись молочного цвета трубки. Зверёк пошевелил головой и огляделся. Он лежал на боку, на чём-то мягком в небольшом помещении с куполообразным потолком. Прямо перед ним сидела — Иртаану было хорошо видно её межлапье — взрослая саблезубица.

Видимо почувствовав, что горноста́й пришёл в себя, она наклонила голову набок и посмотрела на него.

<Не бойся, всё хорошо, твои операции прошли успешно и скоро мы отпустим тебя> — почувствовал зверёк успокаивающую мысль. <Операции?> — повторил он и внезапно всё вспомнил. <А где Гийерр-арр?> — родился в его голове вопрос. <Он сейчас занят с другим существом. Я — Ин-Сиарри, накопитель из его тройки. Присматриваю тут за пациентами.> <Ты сказала «Операции прошли успешно»... то есть смерть мне больше не грозит?> <Скорая и внезапная — нет. Мы привели в порядок твои сосуды и нехватка крови больше не угрожает твоему сердцу и мозгу, так что, полагаем, несколько лет у тебя теперь есть. Конечно, за три дня, что ты провёл у нас, сделать большее невозможно, но в будущем, если ты захочешь пожить с нами подольше — мы можем заняться тобой более серьёзно, тогда ты получишь...> — Сиарри на мгновение замерла — <вторую молодость. Но, будет более правильно обсудить это позже. Сейчас же лежи, набирайся сил, если хочешь — можешь попереживать разные интересные истории из прошлого нашего и других видов. Обращайся, если что-то потребуется.> <А долго мне так лежать?> — поинтересовался Иртаан. Он чувствовал себя много лучше, чем раньше, и ему не терпелось заняться какими-нибудь делами. <Встать, думаем, сможешь через несколько часов. А отпустим... положим, через два местных дня, считай... примерно четыре Миролапских.>

Эти четыре дня прошли для горноста́я в скуке. Несмотря на предложенные виртуальные развлечения ему не терпелось скорее встать на собственные лапы, к нему вернулось ушедшее было с годами желание двигаться, обнюхивать всё, изучать мир вокруг себя. Первые несколько часов, до того момента как с его лапы сняли систему сосудистого доступа, были особенно мучительны — ведь в это время ему, как пояснила Сиарри, нельзя было даже шевелиться — в его крови все ещё плавали микроскопические машины.

Когда Иртаану наконец разрешили встать и начать двигаться — он незамедлительно занялся изучением своего бокса, отделённого от общего коридора плёнкой силового поля. Оно, дали ему почувствовать, было нужно для того, чтобы крошечные животные, обитавшие в телах пациентов, не могли никому навредить. В нём, однако, не было ничего интересного — его лежанка, светящиеся полоски на стенах, да выступающие из пола, словно грибы, купола непонятных ему машин.

Изучая помещение горноста́й заметил, что действительно будто бы стал моложе. Двигаться было легче, мысли стали быстрее и чётче, а сердце, начинавшее раньше суматошно стучать стоило ему совершить пару прыжков, теперь билось спокойно и размеренно.

На третий день зверьку вернули и помогли надеть его скафандр — отныне он не был ограничен своим боксом, и мог свободно бродить по отделению с условием не мешать работе местных врачей. Выбравшись наружу, Иртаан оказался в круглом зале, подобном тому, в котором несколько дней назад он ждал приёма, и конечно же, в первую очередь бросился изучать, куда ведут другие проёмы.

За ними, как зверёк и предполагал, располагались комнаты с другими пациентами. Часть из них пустовала — в них Иртаан сумел забраться, но быстро понял, что там также скучно,

как в его боксе. В других были пациенты — самые разные звери, прямоходящие и четверолапые, пушистые, короткошёрстные и голые. В одной из комнат Иртаан разглядел спящего зверя, у которого было шесть лап, а тело было словно склеено из двух половин. Звери страшно интересовали горностаю, заставляя бегать от входа к входу и скрести от возбуждения лапой отделяющую его от них плёнку. Но, большей частью они спали, у некоторых были открыты глаза и они вглядывались в Иртаана, но было видно, что разные нити и трубочки, присоединённые к их телам, мешали им двигаться.

Больше всего времени зверёк провёл перед комнатой, наполненной до потолка зеленоватой водой. В воде свободно плавало и, похоже, неплохо себя чувствовало существо, подобное миролапской выдре. Впервые увидев Иртаана, оно прижалось усатой мордочкой к плёнке, и в его глазах горностаю прочитал ответный интерес. До самого своего освобождения он оставался у этой комнаты, играя с существом сквозь силовое поле, игриво прыгая, будто пытаясь его поймать, уворачиваясь от его лап и пытаясь жестами рассказать о себе.

Наконец Иртаану позволили покинуть центр экспериментальной медицины и отправиться к себе домой. Если прошлый раз, покидая свою комнату, горностаю бодро шагал к телепорту, то теперь он словно бы летел обратно, касаясь упругого пола лишь для того, чтобы собраться перед очередным прыжком. Вот и знакомый изогнутый коридор... Иртаан хотел было пробежаться до самой отметки на стене, указывавшей на вход, но ему пришлось отказаться от этого плана: около «двери» его ждали три зверя. Приблизившись к ним, он узнал тройку Ар-Синнари.

<Мы ждали тебя, благородный зверёк> — ощутил горностаю мысль саблезубицы. *Зверь, передняя часть которого в доме Иртаана, а задняя — в коридоре.* <Позволь нам войти и поговорить с тобой, если ты готов, конечно. Мы хотим обсудить твоё будущее.>

Горностаю удивлённо наклонил голову и, подумав мгновение, кивнул. Вместе со зверьми он вошёл внутрь, и, пока они устраивались в небольшом для них помещении, успел поваляться в траве, подставляя живот и грудь тёплому летнему солнцу. Пусть оно и не было настоящим, но грело и ласкало нежную шкуру не хуже родного, миролапского.

<Итак, Иртаан, мы пришли, чтобы предложить тебе три варианта действий> — начала возвышенно Синнари, поглаживая узкую голову горностаю, свернувшегося около её лапы — <и три варианта будущего, которые, как мы полагаем, ждут тебя. Но прежде, позволь, мы ответим на твой вопрос.> *Синнари, касающаяся головы Иртаана, из её лапы тянется лиловое щупальце*

<Ты задавался вопросом — почему ты так нужен нам. Ты знаешь наши принципы жизни. Мы знаем твой мир. И ты, и мы знаем, что он полон страданий, что ради того, чтобы одни могли прожить ещё один день, бесчисленное множество других — существ, имеющих не меньшее право на жизнь, должны умереть. Это не делает вас, хищников, плохими, это не ваш выбор, но это — недопустимо. И ты на своём собственном опыте знаешь> — Синнари подняла взглядом хрустящий коричневый шарик из чаши, спрятанной в траве — <что возможна другая жизнь.> Шарик плавно опустился на траву перед самым носом Иртаана.

<Нас с тобой объединяет общая цель — мы хотим принести эту новую жизнь в Миролапье. Но у нас есть и различия... мы, несмотря на всю нашу силу, несмотря на наши технологии, ничего не можем поделать с ним — стена, окружающая его, для нас — непроницаема. Для тебя же она не является преградой. Поэтому мы предполагаем...> <с высокой вероятностью> — донеслась до горностаю мысль Реларри <... что став одним из нас ты сохранишь способность посещать Миролапье — ведь ты останешься собой.>

<Именно поэтому — будем откровенны — мы предлагаем тебе стать частью вида. Ты — шанс, шанс для нас, получить возможность изменить твой родной мир. В этом отношении ты — уникален. Ты — единственное доступное нам существо, выбравшееся за пределы Миролапья.>

<Единственное доступное?> — прервал Синнари Иртаан, сделав ударение на «доступное».

<Да, было ещё одно существо. Задолго до тебя, задолго до того, как наш вид был возрождён. Мы знаем про него, но не имеем контакта с ним. Прости, подробности — только для членов вида. Но ты можешь быть уверен, что его недоступность — не наша вина.>

<Из твоей уникальности и проистекают три варианта будущего. Во-первых — ты можешь отказаться. Мы будем и дальше пытаться проникнуть в Миролапье — и возможно у нас это в конце концов получится — но за это время мириады существ будут съедены, множество погибнет в войнах, от лап разбойников и других причин. Если же ты согласишься — то открываются два других варианта. Мы уже говорили тебе об этом тогда, примерно век назад — принятие в вид — событие необратимое. Как только твоя душа будет слита с душой вида — у тебя нет пути назад. Что бы ты не делал — с этого момента — и до тех пор, куда вид жив — ты один из нас, и свободы изменить это у тебя нет. Потому мы не будем принуждать тебя к немедленному вступлению. Мы дадим тебе всю требующуюся информацию — изучи её, тщательно слушай себя и реши — готов ты или нет. Обычно мы даём существу целую жизнь на подготовку. Это — один из вариантов. Так мы будем уверены, что ты на самом деле готов, но и за это время в Миролапье погибнет множество существ. Нам, именно нам, нравится другой вариант — ты можешь согласиться раньше — но это риск для тебя оказаться неготовым. Посему — решай сам. Мы не имеем права вмешиваться в этой ситуации.>

<И наконец — о будущем> — подал мысль Иссэр Реларри. <Будущее известно мне лучше, чем Синнари, и потому о нём рассказывать буду я. Во-первых, в случае, если ты откажешься, ты будешь волен выбрать — остаться с нами или вернуться в Миролапье. Кроме того, мы дадим тебе новую молодость. Не будем скрывать, в наших интересах чтобы ты прожил как можно дольше — умерев, ты станешь недоступен для нас. А пока ты жив — ты можешь передумать. Сейчас мы предполагаем, что этот исход маловероятен. Во-вторых, у нас может получиться. Не факт, что сразу и легко, не факт что в полной мере — но мы надеемся, что мы сможем, как минимум, наладить постепенную эвакуацию из Миролапья. Эвакуация — это наименее благоприятный, но всё ещё допустимый вариант развития события. Мы надеемся, и этот вариант видится нам наиболее вероятным, что мы сможем тем или иным образом изменить твою родину. И наконец — может статься и так, что в процессе включения в вид твоя связь с Миролапьем будет потеряна, и ты лишишься способности проникать в него. Это будет неприятно, да, но помимо Миролапья существует множество других миров, нуждающихся в помощи. Сейчас этот исход кажется нам сомнительным — но принимая решение, ты должен помнить и о нём. А ещё...> — Реларри повернул голову в сторону Иртаана и тот почувствовал на себе пронзительный взгляд — <... мы знаем о твоём страхе перед Надмирьем. Нам он кажется... отчасти обоснованным. Твой мир — жесток, нам известен случай, когда боги Миролапья были готовы уничтожить целую породу зверей за то, что Кволке-Хо создал её против их воли.>

<Кволке-Хо? Лисий сын?> — горноста́й повернул свои округлые ушки в сторону Реларри — <Разве он кого-то создавал?>

<Да> — склонил голову тот. <Он создавал. Однако Звёзды заперли их, безвинных, в отдельный... мирок. Некоторые твои сомиряне, Иртаан, могут посещать его, однако это редкий дар. Но вернёмся к тебе... твой мир — жесток и мы не можем исключить того, что ты действительно попадёшь в Надмирье.>

Реларри растянул между рогами прозрачную, переливавшуюся сиренево-фиолетовым цветом перепонку антенны, причувствовавась к страху зверька.

<Но ты легко можешь избежать такой судьбы, о благородный.> — Иссэр приподнял верхнюю губу в улыбке — <... вступление в вид с единичной вероятностью, то есть гарантированно, избавит тебя от Надмирья. Твоя душа станет частью души вида, и никто, кроме наших Хозяев, не будет над ней властен.>

<Мы не пугаем тебя, Иртаан> — почувствовал зверёк мысль Синнари. <Но риск — реален. Посему — тщательно обдумай наше предложение. Когда мы уйдём — обратись к машине этого здания и попроси рассказать тебе то, что должны знать желающие стать частью вида. Выслушай её, это займёт немало времени, так что скучать тебе не придётся, задай нам

свои вопросы, и не торопясь выбери своё будущее. Мы примем любой твой ответ.> Синнари поднялась на лапы. <Сейчас же нам остаётся лишь пожелать тебе счастья.>

Трое зверей поклонились Иртаану, склонив головы и прижав левые передние лапы к груди и исчезли, оставив его наедине со своими мыслями.

Валяясь в траве, подставив бок жаркому летнему солнцу, горноста́й чувствовал, как тает под его лучами внутреннее напряжение, накопившееся за время этого разговора. В какой-то его момент Иртаан ощутил себя словно бы застрявшим в узкой норе, осыпавшейся за спиной — вроде бы и есть ход назад, но он ведёт в тупик, и остаётся только двигаться вперёд, надеясь выбраться на поверхность. В то же время, несмотря на это раздражение, горноста́й понимал, что зла ему саблезубы не желали, а их предложение, хоть и походило на ловушку, было искренним: зверёк ещё ни разу не ловил первозверей на лжи. «Видимо обстоятельства и вправду сложились таким образом, что их интересы совпали с моими» — решил он. «И из этой норы, кажется, есть только один выход».

<Расскажи мне о вступлении в вид, машина> — подумал он, перевернувшись на живот.

Иртаан сидел на округлом тёплом камне, на опушке своего крошечного леса. Перед ним, на расстоянии вытянутой лапы, находилось овальное окно, и горячий ветер, долетавший из-за него, то и дело топорщил ставшую коричневой шерсть горноста́я. Он уже привык к ветрам, поднимавшимся здесь каждый вечер, стоило Или-а-Нарри коснуться горизонта. Вот и сейчас белёсый край оболочки звезды уже скрылся за дальними дюнами, сама же она яркой точкой ещё висела над ними, отбрасывая на белый песок синюю дорожку, вроде той, что на его родине оставляла полная луна на воде.

Поляну, где сидел Иртаан, заливал синий закатный свет, уже не казавшийся ему теперь, спустя два с лишним месяца, таким уж чуждым. В этих лучах трава выглядела сизой, словно невымытые ягоды черники. Несколько минут назад горноста́й закончил изучать очередной кусочек информации о том, как первые-из-зверей принимают свои решения и теперь, сидя на камне, размышлял о том, что он узнал. Впрочем, наблюдение за тем, как Или-а-Нарри неспешно опускается за горизонт, рождало в его маленькой голове совсем другие мысли.

Иртаан вспоминал свою жизнь, проведённую в Миролапье — она близилась к концу также, как и этот долгий день. Если бы не саблезубы — она, вероятно, уже угасла. Впрочем, несмотря на помощь местных лекарей, помощь, которую на его родине, несомненно сочли бы чудом, зверёк чувствовал, что солнце его жизни вот-вот закатится за горизонт. Пусть смерть и отступила, Иртаан всё равно был уверен, что скоро, совсем уже скоро, его старая жизнь прервётся. Горноста́й вспоминал своё детство, свою, давно уже обитавшую на Дальних Лугах, мать, свою первую охоту и пытался почувствовать, каким для него будет новый день. Теперь, узнав многое о жизни первозверей, он мог попытаться представить его... но почувствовать, как это будет, у него не получалось. Тем не менее, по мере того, как он узнавал всё больше, его уверенность в правильности своего решения только крепла. Зверёк взвешивал в уме все за и против, и ощущал, что у него просто нет выбора. Да, он мог отказаться... но именно это и стало бы настоящим предательством своей родины.

Думал он и о Надмирье. Оно, как понимал теперь Иртаан, должно было окружать собой Миролапье, словно укутывая его. Такое расположение казалось ему странным — словно кто-то взял, и отгородил его родину от безграничной Вселенной. Выходит, Звёзды — боги Миролапья, не хотят, чтобы звери из других миров посещали его? Ведь во всех остальных местах, где жили разные существа, ничего подобного Надмирью не было... К тому же сколько не вспоминал горноста́й сказки и легенды своей родины, он не смог вспомнить ни одной, где хотя бы намёком или иносказанием говорилось бы о мирах выше Надмирья. Быть может Звёзды не знают о них? Но ведь им с их высоты несомненно было видно всё их бесконечное множество. К тому же теперь горноста́й знал о звёздах много больше, чем раньше. Он узнал, что звёзды бывают живыми и мыслящими, и бывает так, что вокруг подобной звезды обращается населённый разными существами мир. Но почему же Миролапские звёзды не говорят с его сомирянами?

А ещё Иртаан вспоминал о том, что он слышал о посмертии. О том, как после прыжка с горы некая сила подхватывает душу зверька, и несёт её ввысь. И если Звёзды не протянут ей лапы — то она поднимается до тех пор, покуда не попадёт в Надмирье, в зубы Йаоындр, Эобоэш или Аншушгэтрейа, где и сгинет. Иртаан находил это странным — оказаться при жизни выше, чем души всех, кто когда либо жил в Миролапье, выше Надмирья, выше его родных Звёзд.

Или не всех? Зверёк несколько раз, напрямую и окольными путями пытался вызнать хоть что-нибудь о своём предшественнике — том существе, что смогло когда-то покинуть Миролапье, но всякий раз получал доброжелательный, но твёрдый ответ — <ты не готов знать это, Иртаан, эта информация только для членов вида.>

Так, в раздумьях о будущем, пролетело какое-то время. Когда горноста́й отвлёкся от своих мыслей он увидел что стало почти темно. Только белый краешек газового облака, окружавшего Или-а-Нарри ещё виднелся над горизонтом. Пустыня внизу украсилась огнями — разбросанные по ней шпили светились нежными оттенками, где-то бело-розовым, где-то бело-голубым. Блестящей полосой поперёк неба протянулся орбитальный комплекс — солнечный свет ещё достигал его, и, отражаясь, падал вниз.

Прижавшись к окну Иртаан поднял голову, и увидел в более тёмном, чем у горизонта, небе лиловые всполохи. У себя дома он никогда не видел ничего подобного, хотя и слышал о подобном явлении, называвшемся «Огни празверей». Говорили, что в Миролапье их можно было увидеть на севере, там, где начиналась Бесфинальная Стынь, здесь же, их было видно даже из горностаева дома, который, как он теперь знал, находился недалеко от экватора. Впрочем, что такое экватор горноста́й узнал тоже совсем недавно. Всю свою жизнь, надо признаться, он полагал, что мир — плоский.

Несколько минут Иртаан наблюдал за игрой цветов в небесах, за тем, как лиловые волны сменялись жёлто-зелёными, а те, в свою очередь, становились красноватыми. Ему никогда не надоедало смотреть на них, но в этот раз горноста́й был слишком захвачен своими мыслями. Они же перешли от огней празверей к самим празверьям, оттуда — к богам Миролапья и вновь вернулись к его происхождению и странной закрытости. Впрочем, обдумывать эту тему по второму кругу зверьку не хотелось... другое дело подумать о собственном будущем.

За те дни, что он провёл на Йеррхао, образ мыслей Иртаана несколько изменился. Он больше не чувствовал себя дряхлым зверьком, для которого всё осталось позади. Да, его жизнь ждёт кардинальная перемена, но жизнь продолжится... и, надеялся горноста́й, перемены ждут не только его. Думая о них он вновь почувствовал желание скорее покончить с неопределённостью. В прошлые разы он подавлял его, ведь тогда он ещё не знал всего, что ему полагалось знать. Но сегодня... сегодня он закончил изучение последней части «обязательного курса». Той информации, которую должно было усвоить любое существо, желавшее слиться с видом. А значит, как минимум формально, отныне он был готов.

Горноста́й замер, смотря на переливающиеся в небе сполохи, собираясь с мыслями. И подумал чётко: <Машина, соедини меня с тройкой Ар-Синнари.>

Прошло мгновение, другое... и он ощутил присутствие Синнари. Иртаан не успел ещё подумать о чём либо, как почувствовал вопрос: <Ты решился, да?> Вопрос сопровождался образом, выдававшим её волнение — *присевшая на задние лапы зверица, в коей горноста́й ощутил Синнари, напряжённая и готовая к прыжку, короткий хвост, ходящий из стороны в сторону.* <Да> — только и ответил зверёк, кивнув и вытянувшись столбиком — волнение саблезубицы передалось ему.

<Жди нас, о благородный, мы сейчас будем.> — и ощущение присутствия пропало.

«Что ж, я сделал это... по крайней мере, я осмелился это сказать» — провёл черту, за которой заканчивалась его старая жизнь, Иртаан. Новая жизнь, однако, начиналась с ожидания. Горноста́й чувствовал возбуждение, желание двигаться, готовность бежать куда-то... но пока что для этого было не время.

Чтобы несколько успокоиться он попытался было сосредоточиться на разглядывании ионосферного сияния, но то и дело вскакивал, пробегал по поляне от края до края, прислушивался, и возвращался обратно.

Наконец с лёгким шуршанием осыпающихся песчинок дверь открылась, и в его жилище вошли Синнари, Реларри и Ассар. Все трое шумно дышали и Иртаан понял, что, похоже они добирались до него бегом. <Не совсем так, ещё быстрее> — уточнил Ин Ассар, передав образ зверя, длинными прыжками нёсшегося по коридору. <Твой зов застал нас на другом краю галактики, Ирр-Тхаан> — продолжил тот, приветственно потираясь о горностая мордой. <Впрочем, мы были заняты делом несравнимо менее важным, чем твоё решение... Но прежде, чем мы продолжим — скажи нам, действительно ли ты чувствуешь себя готовым? Понимаешь ли ты, что после твоего согласия, дороги назад не будет?>

Стоя на задних лапках перед тремя зверями горностай слегка дрожал от волнения, и не заметил, что сопровождал свои мысли звуковой речью: «Да, первые-из-зверей, я готов принять служение и быть с вами одним целым на веки вечные, окончательно и безвозвратно». <Очень хорошо, Иртаан> — почувствовал он мысль Синнари. <Мы не видим в твоих словах лжи и потаённых желаний. Мы чувствуем твоё волнение перед лицом будущего, это нормально, это не помешает тебе.> <Подойди ко мне, ипусти нас в себя> — продолжила она. <Что, уже?> — удивлённо подумал зверёк, не ожидая, что всё произойдёт так быстро. <Нет, не сейчас. Сейчас мы просто заглянем в тебя, чтобы убедиться в твоей готовности.>

Иртаан в пару прыжков преодолел расстояние до передних лап зверицы и склонил свою голову перед ней, позволив ей коснуться её появившемся из лапы лиловым щупальцем. Он терпеливо ждал, чувствуя, как вся тройка осторожно перебирает его мысли и разглядывает его память.

Наконец Синнари опустила лапу. <Готов ли я?> — с нетерпением подумал Иртаан. <Пойдём, прогуляемся до телепорта> — ответила зверица. <Нам нужно немного времени, чтобы приготовить аппаратуру и собрать все необходимые тройки. Да и ты немного остынешь, а то, видим, твои лапы сами просятся бежать и прыгать.>

С этой мыслью звери неспешно поднялись и развернулись к выходу из этого крошечного леса, в последние месяцы бывшего домом Иртаана. Синнари повернула голову к нему, и горностай понял её взгляд — *зверёк, идущий среди тройки, как один из них*. Быстрым шагом, удерживая себя от того, чтобы помчаться вперёд, он двинулся вперёд и вскоре поравнялся с плечом Иссыра Реларри. Недалеко от него, проминая когтями покрытые пола, мерно опускалась огромная — раза в два больше него самого — тяжёлая лапа. Наблюдая за её движением Иртаан думал о том, каково это быть — таким огромным зверем — и косился на свои лапки. Горностай окидывал себя мысленным взором... и пытался представить себя саблезубом.

Сперва у него ничего не получалось, но затем он почувствовал внимание Ассара. Тот, как оказалось, почувствовал его желание и предложил ему почувствовать, каково это — быть таким зверем. Так, изучая ощущения чужого тела, ставшего отчасти своим, зверёк не заметил, как закончился их путь. Саблезубы сели в круге телепорта и Иртаана вытряхнуло из шкуры Ассара. Мгновение он пытался понять, что произошло, затем овладел своим телом, и, наконец, неловко передвигая ставшими такими лёгкими лапами, подошёл к Синнари и прижался к ней.

Стоило горностаю замереть, как сработал телепорт. Яркий свет, заставивший его зажмуриться, и прозвучавшее в голове название, в котором фигурировало понятие «Йеррахо» дали ему понять — они переместились на освещённую сторону планеты.

<Ты прав> — почувствовал он мысль Реларри. <Здесь> — и Иртаан ощутил шар Йеррахо, с точкой, отмечавшей их местоположение, лежавшей посреди огромной пустыни.

Зверёк открыл глаза и заметил, что свет, падавший на уже привычный ему мягкий пол, имел странный оттенок. Он поднял голову, замер, разглядывая это место, повернулся, посмотрел вновь и понял — они находятся под огромным куполом. Свет, проходя сквозь его полупрозрачные стены, терял силу и становился зеленоватым. Впрочем Иртаан обнаружил и

три, расположенных по разные стороны, проёма, сквозь которые внутрь падал безжалостно-яркий свет полуденной Или-а-Нарри.

В самом центре здания, там, где тёмный пол сменялся блестящим кругом, в котором, поднявшись на задние лапы, горноста́й узнал символ вида, сидели и лежали шестеро саблезубов. Заметив Иртаана, они поднялись и все, как один, приветствовали его, склонив головы и прижав к груди лапы. Горноста́й, а с ним и тройка Синнари, шагнул им навстречу. Пока он добирался до центра, звери представились — впрочем, их имена, в отличие от тех, что он чувствовал раньше, были очень длинны — зверёк не смог запомнить их. Они были таковы, объяснил ему Ассар, потому что звери были молоды — и каждый из них недавно — десятки жизней тела назад — ещё принадлежал к другому виду. И, добавила Синнари, такие существа, в отличие от изначально рождённых или присоединившихся в немыслимом прошлом, были более приспособлены к тому, что может случиться во время принятия в вид. Во-первых они сами прошли через это, что давало им особенно глубокое понимание процесса. Во-вторых само принятие ещё не стало для них всего лишь одним из событий далёкого прошлого, затерянным среди чреды более важных.

Когда Иртаан оказался в самом центре зала, он оказался окружён полукольцом зверей, которое вскоре замкнула Синнари и её тройка. Горноста́й ощущал доброжелательность со всех сторон — будто бы звери осторожно гладили и ласкали его по всему телу. Он перевернулся на спину, закрыл глаза и подставился этим ощущениям. В какой-то момент зверёк понял — теперь его гладят не мыслью, но лапами, щеками и подбородками.

Сколько он так пролежал, наслаждаясь чувством окружённости, защищённости и общности, горноста́й не знал. Понял только, что в какой-то момент, несмотря на то, что ласки были очень приятны, ему захотелось продолжения: лежать на прохладном полу, отдавшись этим зверям, было прекрасно, но к нему возвращалось желание скорее совершить то, что должно было произойти.

Стоило только Иртаану подумать об этом, как звери отпустили его и он почувствовал чью-то мысль: <Открой глаза и посмотри на мир вокруг себя, о благородный зверёк. Это последнее, что ты видишь сквозь своё тело.>

Горноста́й открыл глаза, перевернулся на живот и обнаружил, что на нём больше нет ставших в последнее время словно бы частью его тела браслетов и шлейки, звери отступили от него и что он лежит в центре круга, образованного ими.

<Не бойся, тебе не будет больно> — ощутил он мысль Синнари в тот момент, когда пол стал прогибаться под ним, затягивая его как тряпина. Зверёк удержал себя от того, чтобы вскочить на лапы и глубоко вдохнул, пытаясь расслабиться.

Спустя несколько секунд он оказался полностью окружён прохладной, тускло светящейся материей. Внезапно она вспыхнула ярчайшим белым светом, Иртаан почувствовал нарастающий жар... и на этом его мысли оборвались.

Место, в котором зверёк очнулся (или, быть может, проснулся?) совершенно не походило на Йеррхао. Прислушиваясь к себе, он уловил образы, смутные, словно воспоминание о сне — белая пустыня, залитая синим светом, поляна, бывшая ему домом, огромные звери. Всё это было где-то далеко... Иртаан лежал на мягкой траве, разглядывая тёмное небо, украшенное близкими, казалось — щёлкни пастью и поймашь, звёздами. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь легчайшими дуновениями ветерка, и зверёк, не тревожимый ничем, чувствовал себя словно у матери в гнезде — его душу наполнял покой, он ощущал себя защищённым и любимым. Матери, конечно, рядом с ним не было, она давным-давно переселилась на Дальние Луга, но весь мир для него был сейчас как любящая мать.

Из-за облака выглянула полная луна, и в её свете листва приобрела серебряный оттенок. Иртаан умиротворённо потянулся и его взгляд скользнул по кронам деревьев. Он понял, что лежит на опушке леса, среди невысокой травы и молодой поросли. За его спиной начинался лес, в неярком свете луны горноста́й мог разглядеть ближайšie к нему деревья, дальше же всё терялось во тьме. По другую сторону расстились Луга, и, слегка приподнявшись,

горноста́й различил на горизонте высокую, касающуюся самого неба, гору. Она не имела острой вершины — казалось, кто-то громадный срезал её, оставив наверху ровную площадку. Небо над мордочкой горноста́я было бездонно-чёрным, но таким оно было не везде. Чем ближе к горе — тем светлее оно становилось, сначала тёмно-синим, потом лиловым, малиновым, и, наконец, оранжевым. Зверёк мог бы подумать, что за горой прячется только что закатившееся, или, наоборот, недавно выгнанное на небо Солнце — но вместо того, чтобы плавно сменять друг друга, цвета над срезанной вершиной выглядели туманными пятнами. Словно какой-то зверь испачкал свою шкуру в ягодном соке и отряхнулся, разбрасывая цветные брызги. Горноста́й с трудом припоминал, что когда-то он уже видел что-то подобное... но где и когда — вспомнить не получалось. К тому же, ощущал зверёк, это было в прошлом, а о прошлом сейчас он совершенно не беспокоился.

Умиrotворённо оглядывая окрестности, Иртаан случайно бросил взгляд на свою лапу, и замер, ошеломлённый. Затем поднёс её к мордочке и пригляделся... сквозь лапу просвечивало ночное небо. Зверёк чувствовал свою лапу на месте — но вместо меха и плоти она состояла теперь из кружащихся, как снежинки зимой, искорок нежных оттенков — белого, золотистого и верескового.

Горноста́й перевернулся, прыжком вскочил на лапы и принялся осматривать себя — всё тело его теперь представляло собой вихри кружащихся частиц. А ещё — Иртаан понял это, гонясь за своим хвостом, пытаясь разглядеть его — оно ничего не весило.

Когда-то, в молодости, он испытывал нечто подобное, летя прыжками по заснеженному лугу. Но тогда каждый его прыжок требовал сил и неизбежно заканчивался. Теперь же горноста́й ощущал, что движения не требуют никаких усилий. Он кинулся в траву, и несколько минут метался в ней, подсакивая, замирая и переворачиваясь. Эти простые движения доставляли необычное удовольствие — то, что раньше он чувствовал, отдыхая после целого дня, проведённого на лапах.

Иртаан скользнул к лесу и сам того не заметил, как всего за несколько мгновений оказался высоко среди ветвей, взобраться наверх теперь не составляло никакого труда. Разглядывая сверху окрестности, горноста́й заметил тропинку, начинающуюся недалеко от того места, где он находился и взбирающуюся на склон горы вдалеке. А ещё — он обнаружил, что не только он сам состоит из искрящихся частиц... дерево тоже было таким. Только его частицы были темнее, медленнее и двигались не вихрями, а неспешными потоками.

Зверёк повернулся головой вниз, и спустился по стволу с той же лёгкостью, с какой и взобрался. Ему хотелось добраться до замеченной сверху тропинки и посмотреть, куда она его приведёт.. Ведь раз есть тропинка — значит есть и те, кто её протоптал. И хотя пока что Иртаан не заметил признаков чьего либо присутствия — только кузнечики стрекотали в ночи — ему было интересно, что это за место, и кого он может здесь встретить.

Добраться до тропинки не составило ни малейшего труда, и вот уже он стоит на ней, нюхая утоптанную землю. Сотни запахов дразнили его нос, но среди всего букета было трудно выделить самый главный. Обнюхав землю и примятую траву, горноста́й решил — здесь прошло множество самых разных зверей — мягколапых и копытных, хищников и их добычи.

Внезапно зверёк услышал чей-то шёпот, целый хор голосов, назвавший его по имени: «Иртаан, иди к нам!» Горноста́й поднял мордочку от земли и наклонил голову, пытаясь понять, откуда он доносился. «Беги на Срезанную Гору, мы ждём тебя в Небесном Гнезде» — раздался он вновь, и на этот раз Иртаан понял — голоса доносились с неба. Он поднял голову и принялся глядеться в ночную тьму. Сколько зверёк не разглядывал его — он никого не видел. Только звезды да луна, наполовину прикрытая освещённым её светом облаком.

И тут он понял — звёзды! Это они звали его к себе, в Небесное Гнездо. Они ждали его, они протянут ему лапу и он не улетит в Надмирье! «Значит, я — умер?» — удивлённо подумал горноста́й, ведь чувствовал он себя просто восхитительно. Даже в юности у него не было столько сил и желания двигаться. Он ощущал тепло в лапах, словно бы поднимавшееся

из земли, как соки деревьев. Оставив все свои мысли позади, он кинулся вперёд по тропинке, к горе, поднимавшейся до самого неба.

Иртаан летел навстречу тёплому летнему ветру, и ветер свистел в его шерстинках, ласково глядя зверька по бокам. Земля мягко касалась подушечек его лап и вновь уходила вниз. С каждым прыжком приближался он к своей цели, вот уже опушка леса осталась далеко позади. По сторонам тянулись луга, с раскиданными по ним то тут, то там деревьями, и горностаи не мог удержаться от того, чтобы соскочить с тропинки, промчатся по влажной траве и вновь выскочить на утоптанную землю.

Серебристый свет луны освещал казавшуюся сине-чёрной траву и этого света хватало Иртаану, чтобы видеть не только тропинку, но и тени, тянущиеся от деревьев. Внезапно они стали яркими, резкими и приобрели неестественный оранжевый оттенок. Горностаи, увлечённый бегом, сделал ещё один прыжок, прежде чем остановиться и осмотреться, пытаясь понять, что произошло. Ночь в мгновение ока отступила, и по привыкшим к темноте глазам горностаи ударил ослепительный фиолетовый свет. Зверёк замер, зажмурился, и тут раздался оглушительный звук, подобный удару грома. Он был такой силы, что зверёк ощутил его не только ушами, но и всем своим телом.

Испуганный этим звуком он инстинктивно прижался к земле, и трава скрыла его. Гром не повторялся, в напоминание о нём остался лишь затухающий звон в ушах. Прошло немного времени, и любопытство взяло верх — Иртаан осторожно, то и дела замирая и подаваясь назад, поднялся на задние лапы, и вытянулся столбиком, изучая окрестности. Первое, что бросилось ему в глаза, было небо. На одной его половине, в той стороне, куда вела тропинка, по-прежнему царилась ночь, хотя звёзд теперь, в холодном фиолетовом свете, видно не было.

Вторая же половина теперь пылала синим светом, среди которого зверёк различал фиолетовые линии. Когда его глаза привыкли к яркости неба, он понял — линии на небе образовывали подобие гигантской паутины, в центре которой, словно сияющий паук, сидела призрачно-фиолетовая звезда.

Не в силах выдерживать этот свет Иртаан опустил взгляд — и увидел, что лес, что он оставил за спиной, пропал. На его месте расстилалась протянувшаяся до самого горизонта рыжая пустыня.

Горностаи провёл некоторое время пытаясь вспомнить, почему ему знакома эта местность и, наконец, ему это удалось... отчасти. Он не помнил подробностей, но знал — обитатели пустыни пришли сюда за ним. И хотя зверёк и не смог различить никого на границе двух миров — он ощутил — охота на его душу уже началась.

Иртаан заметался, пытаясь найти укрытие, но вокруг были лишь луга, покрытые невысокой травой. К тому же спустя некоторое время он сообразил — как бы он не прятался — его всё равно найдут. Осознав это он кинулся вперёд по тропинке, туда, где она постепенно поднималась ввысь, стелясь по склону Срезанной Горы. Теперь он не отвлекался на то, чтобы нырнуть в траву, не тратил время даже на то, чтобы оглянуться.

Девятеро первозверей стоят перед границей, отделявший мир посмертья Иртаана от их собственного. Их рога раскинуты, у троих эффекторов между ними синеют плёнки антенн. Сами рога не истаивают постепенно в воздухе, как это было на Йеррхао, вместо этого они уходят вверх девятью парами нитей, вплетающимися в паутину, которой заткана половина неба. Тела их, как и тело горностаи, призрачны, но составляющие их частицы светятся фиолетовым, подобно Или-а-Нарри, и движутся так быстро, что образуют сплошные линии.

Саблезубы пересекают границу, и, сделав несколько шагов по незнакомой для них земле, садятся, образовав полукруг, обращённый в сторону виднеющейся вдалеке горы. Они объединяют свои антенны в интерферометр и выключают на несколько мгновений свои передатчики, причувствываясь к миру вокруг них, ища душу маленького зверька. Если бы они вели поиск в активном режиме, испуская импульсы различных эмоций и ощущая их отражения в душах окружающих, искать было бы куда проще. Но такие, навязанные извне эмоции могли повредить особо чувствительным существам...

В эфире царила тишина, нарушаемая лишь тихой музыкой их родной сети — на многие километры вокруг не было ни одного сколь-нибудь разумного существа. Среди этой тишины чувства горностая — в первую очередь страх поимки и жгучее желание как можно скорее добраться до Небесного гнезда были легко заметны.

Сделав несколько замеров звери определяют, где именно находится Иртаан, и устремляются в погоню. Касаясь утоптанной земли, по которой несколько десятков минут назад пробежал горностай, одними пальцами, они бегут вслед за ним, покрывая за один шаг расстояние, на преодоление которого зверьку требовался целый прыжок. Временами они и сами переходят на прыжки, но быстро возвращаются к неспешному бегу — в отличие от Иртаана этот мир не питает их, и потому они стараются не уставать — сила им может потребоваться позже.

Безмолвная погоня продолжается какое-то время, и наконец эффекторы чувствуют, что Иртаан оказался в зоне локального взаимодействия. Сам зверёк ощущает в этот момент, как чужое существо касается его разума и ускоряет бег. Сквозь посвист ветра в своей шерсти он слышит тяжёлое дыхание и понимает — охотники уже совсем рядом. Горностай прыгает в сторону и ныряет в траву, пытаясь затеряться в ней. Он скачет из стороны в сторону, то приближаясь к тропинке, то отдаляясь от неё, и всё время слышит за спиной дыхание своих преследователей, ведь те по-прежнему движутся полукругом, в центре которого он — Иртаан.

И вдруг зверёк чувствует яркую и отчётливую, как голос зверя на расстоянии вытянутой лапы, мысль: <Почему ты убегаешь от нас? Вспомни, как ты хотел помочь Миролапью измениться!>, сопровождаемую чредой образов: *горностай на заснеженной ветке старого дерева, мёртвая борзая с проткнутым горлом, белый песок и белые шпильки, яркая зелень летней травы, он, Иртаан, произносящий слова готовности слияния с видом.* Эти видения проникают прямо в его душу, заставляя его вспоминать о том, что совсем позабылось здесь, поблизости от Небесного Гнезда. А образы всё продолжают, затрагивая более дальнее прошлое — *вкус крови его первой добычи, панический страх, заставивший разжаться его лапы, падение на упругое полотно границы. Жгучий жар, пар, клубящийся над маленьким тельцем. Саблезубая морда — Гиейрр-Арр — первое, что он увидел за несколько месяцев, проведённых на грани Небесного гнезда*. Всё новые образы всплывали в его памяти — и вот уже Иртаан не может понять — что — навязано извне, а что — вспомнил он сам.

Зверёк сидел в траве, приподнявшись, не касаясь земли передними лапами, и вспоминал. Его глаза были открыты, но сам он был сейчас где-то далеко. Внезапно он почувствовал, как зовёт его его тело — «движение, опасность». Горностай, приложив усилие, прогнал воспоминания и вновь оказался в своём теле. Правда поначалу оно не слушалось его — и ему ничего не оставалось делать, как неподвижно наблюдать за тем, как прямо на него бежит один из первозверей. Вот до него осталась всего пара гюрз, и Иртаан мысленно — тело по-прежнему не реагировало на приказы души — сжался от страха быть затоптанным на месте. Один только коготь на лапе саблезуба был шириной с его голову... и тут зверь, не замедляясь, прямо на бегу, прыгнул.

Страх и возбуждение заставили время замедлиться, и горностай наблюдал, как проносится над ним брюхо, сквозь которое просвечивали цветные пятна местного неба, два ряда сосков, украшенные ставшими призрачными, как и их хозяин, колечками, сумка, скрывавшая в себе массивный член... что было дальше зверёк разглядеть не смог. К его телу внезапно вернулась способность двигаться, и оно дёрнулось в сторону так, что Иртаан чуть не упал. Всего пара мгновений потребовалась ему на то, чтобы восстановить равновесие и ринуться вперёд, уходя от зверя, что приземлился у него за спиной. Не успел горностай пробежать и нескольких гюрз, как ему пришлось прыгнуть в сторону — прямо перед собой он увидел морду с обнажёнными клыками.

Несколько бросков с отскоками — и Иртаан понял, что он попался: его окружало сжимающееся кольцо первозверей. Куда бы он не сунулся — на его пути оказывались оскаленные морды или огромные лапы с полувыпущенными когтями.

Яростно чирикавая, горноста́й завертелся на месте, ища спасения... напрасно, звери приблизились к нему и свободным остался только клочок травы в пару гюрз размером. Иртаан, впрочем, не намеревался сдаваться — он вертелся, выискивая слабое место в ряду своих противников. Вот один из них — его тело заслоняет собой Срезанную Гору, и лишь необычный цвет неба указывает на то, что там, за его спиной, лежит цель горноста́я. Кажется сбоку, правее его морды, можно проскользнуть — между лапой и клыком есть достаточно пространства.

Зверёк с места, чтобы не выдать своего намерения, прыгает — и тут же ощущает удар обо что-то мокрое. Спустя мгновение к влажности добавляется жар и Иртаан понимает — он оказался в пасти саблезуба. Сквозь полупрозрачные щёки он видит ночной луг, но упругая горячая плоть не пускает его. Горноста́й что есть мочи кусает её и чувствует, как его прижало к языку — внезапная боль заставила зверя подняться на задние лапы, но пасти он не раскрыл. Зверёк кусает вновь — и чувствует отвратительный, едко-горький вкус чужой крови. В этот момент челюсти сжимаются — и Иртаан чувствует, что его шея оказывается зажата промеж коренных зубов. Он тянет на себя, пытаясь высвободиться — но тщетно.

Через призрачную, но не менее материальную от этого, плоть горноста́й видит, как поймавшего его зверя окружают другие охотники... и его вновь прижимает к горячему языку — первозверь прыгает, не обращая внимания на когти зверька, которыми тот рвёт его. Спустя пару таких долгих мгновений тошнота подкатывает к горлу горноста́я — он чувствует, как падает куда-то.

Саблезуб мягко касается молодой травы передними лапами, и, пробежав несколько шагов, вновь прыгает. Зверёк тем временем, продолжает пытаться освободиться. Временами он прекращает попытки и вглядывается в стремительно удаляющуюся Срезанную Гору. Тоска сжимает его — он чувствует, как притягивает его к себе Небесное Гнездо, знает — там его ждут многие, потерянные годы назад, близкие существа, коих он мог пересчитать по когтям обоим лап. Иртаан знает — именно там его настоящий дом, туда вела его дорога жизни.

Горноста́й не знал, сколько продлилась эта скачка, но внезапно прозрачное тело охотника окрашивается ярким фиолетовым светом — зверь достиг границы между мирами и оказался в пустыне Йеррхао. И тут же острая, какую он не испытывал даже убегая от гончей, боль в середине груди пронзила Иртаана, словно у него вырвали сердце. Зверёк крепко зажмурился, закричал как птица, и снова вцепился зубами в щёку саблезуба. Тот несколько раз потрянул головой, и горноста́я стошнило.

Боль пропала также внезапно, как и началась — но вместе с ней ушло что-то ещё. Теперь зверёк не чувствовал притяжения Небесного Гнезда — вместо него осталась лишь пустота в груди и странная отрешённость. Не было сил больше на то, чтобы вырваться и грызть своего похитителя. Он нехотя открывает глаза и видит, что ночная дорога под звёздами исчезла — теперь со всех сторон его окружала рыжая пустыня, залитая безжалостным фиолетовым светом, даже сквозь душу первозверя ощущал он жар, исходящий от Или-а-Нарри.

Совершив очередной прыжок, саблезуб переходит на шаг — и Иртаан видит, что он по-прежнему окружён кольцом зверей. Охотники куда-то неспешно идут сквозь пустыню — они знают, что можно не торопиться и остыть после погони — жертва теперь в их мире, оторванная от родины она не сможет вернуться назад.

Долгое время ландшафт не меняется — лишь сменяют друг друга дюны, и наконец вдали показывается что-то блестящее. Первозвери подошли ближе — и теперь стал явственно виден плоский, серебряного цвета, диск, выступавший из песка. На его поверхности тёмно-синим был нарисован перечёркнутый знаком, похожим на молнию, круг — символ вида.

Один из зверей, плёнка между рогами которого указывала на то, что это — эффлектор, вошёл в круг, сел в самом его центре и приоткрыл синюю пасть, ожидающе глядя на ту, кто поймала Иртаана. Она подошла к нему, села напротив, наклонила голову, и, словно бы целуя, коснулась его губами.

Горноста́й почувствовал, что хватка зубов ослабла, но сейчас ему ничего не хотелось, он лежал неподвижно в пасти хищницы и не шевелился. Та, внезапно, отпустила его, и в глаза зверька ударил яркий свет. Иртаан, однако не упал — его почти невидимое среди всего этого сияния тельце скользнуло в пасть самца, сидевшего в центре круга — снаружи теперь была только голова зверька. Саблезуб поднял морду к небу — и последней вещью, что увидел в своей жизни горноста́й, стала ослепительно-фиолетовая точка Или-а-Нарри. Затем зверь плотнул — и душа измученного зверька провалилась в горяче-влажный сумрак.

Часть 3. И вновь начало

Иртаан пришел в себя в... он не мог понять, где он находится. Горноста́й ничего не видел, не слышал и не ощущал. Можно было бы сказать, что он висел в бескрайней тьме — но это было бы неточным описанием. Он не видел ни тьмы, ни света — такая способность, как зрение просто отсутствовала. В то же время он чувствовал, что всё ещё существует. По крайней мере, Иртаан мог мыслить и задавать вопросы... быть может самому себе. На них, впрочем, он получал ответы. Они приходили быстро, зверёк чувствовал, что между вопросом и ответом проходили крошечные доли секунды, так, что он успевал почувствовать множество ответов за краткий миг, который бы потребовался ему чтобы моргнуть — в то время, когда у него ещё были глаза. Сами ответы были, в основном, совершенно непонятны ему и порождали лавину новых вопросов.

Одной из первых мыслей Иртаана было <Где [маркер пространственного запроса] я [указатель на уникальный идентификатор существа]?> Пришедший ответ состоял из двух частей. Первая из них была, по крайней мере, понятна. Она означала «Нигде в контексте пространства». Вторая же состояла из одиннадцатимерных карт, списков узлов, на которых исполнялся он — Иртаан, динамически ветвящихся деревьев маршрутизации и прочих вещей, для которых горноста́й не мог найти звукового названия. Они, несмотря на их непонятность, без труда уместились в мыслях зверька, захотевшего, удовлетворяя своё природное любопытство, узнать, что они значили.

Так, в вопросах и ответах прошло несколько долей секунды. В какой-то момент Иртаан почувствовал уведомление о подключении нового виртуального терминала... и не успел он узнать, что это такое, как внезапно обрёл местоположение, а мир вокруг него расцвёл множеством цветов, как знакомых ему, так и совершенно новых, для которых у него не было произносимых обозначений. Яркие облака плавали вокруг него, и Иртаан подумал «Может быть я в небе над Срезаной Горой?», но не успел он закончить мысль, как они сначала стянулись в полосатые линии, а потом и вовсе пропали.

Теперь зверька окружал непривычный для горноста́я пейзаж... но по крайней мере здесь было небо и земля. Цвет неба напоминал ему тот, что он видел на Йеррхао, но в то же время был — Иртаан на задумался на десяток микросекунд — более глубоким, его синева несла в себе множество оттенков, кои он никогда не видел ранее.

С небом контрастировало обилие рыжего и желтого. Жёлтым морем покрывала равнину, на которой находился горноста́й, невысокая трава, напоминавшая ему степи Сжель-Хъярна, куда когда-то, было дело, занесла его судьба. Посреди этого моря рыжими островами выделялись невысокие, уступчатые, изъеденные временем скалы, нагретые светом ультрафиолетовой звезды. Она висела над оранжевым, отбрасывающим длинные тени, плато у самого горизонта, и её прекрасный свет наполнял душу Иртаана покоем и уверенностью в том, что всё хорошо.

Мягкое гамма-излучение, исходившее от короны Или-а-Нарри, приятно согревало его морду, а инфракрасный свет рыжих скал — он тоже ощущался теплом, но другим — его бока. Эта теплота ласкала его шкуру, успокаивала и звала опуститься на траву, перевернуться на спину и впитывать жар всей поверхностью тела... но необычность происходящего, которую горноста́й осознал, сравнив свои ощущения с тем, что хранилось в его личной памяти, не позволила ему так поступить.

Вместо этого, пытаясь понять где он находится, Иртаан повернулся... и удивился тому, как неспешно движется его тело. Картина перед его глазами изменилась: скачком обновилось изображение в панхроматическом канале и стало покрываться расширяющимися областями, для которых были доступны гиперспектральные данные. Они ещё не успели заполнить всё поле зрения, как горноста́й (да и горноста́й ли?) получил ответ о местоположении, в котором значилось <Виртуальное пространство, сценарий знакомства с своим новым телом, сцена нулевая. Физический фокус внимания отсутствует.>

«Знакомства... с новым телом?» — подумал Иртаан, и, зацепившись за понятие «новое тело», послал запрос службе ассоциативной памяти. Мгновенно вернулся результат, и бывший горноста́й всё вспомнил — свою жизнь в Миролапье, решение стать частью его нового вида, охоту на его душу... Он опустил взгляд и увидел то, что и ожидал — покрытые белым мехом семипалые лапы с растянутой между пальцами перепонкой. Сами пальцы оканчивались широкими, копытообразными когтями тёмно-синего цвета.

Рассмотрев свои лапы и грудь Иртаан опустился на траву, и принялся изгибаться, изучая себя со всех сторон. Оглядел он и мех, отметив очёсы на лапах, дотянулся до хвоста и потрогал его кончик. Опустив взгляд, бывший горноста́й понял, что он — самец, но в то же время девять пар крупных сосков украшали его живот. Ну и конечно же он открыл пасть и облизал клыки.

Во время этого действия первозверь ощутил чужое внимание, вслед за которым его поток восприятия расщепился. В одном из них Иртаан по-прежнему трогал клыки языком, в другом же — смотрел на себя со стороны и видел саблезубого зверя в середине жизни его тела. Оно было вытянуто, длиннее, чем у знакомых первозверю кошек, но не такое длинное, как то, что он носил раньше. Шкура его была ярко-белой в широком диапазоне длин волн, к белизне примешивался нежный сиреневый оттенок. С ней контрастировали чёрные очёсы на всех лапах, кольцо недлинной гривы, чёрные пятна на ушах, кончики сумок на нижней челюсти, полоса меха вдоль позвоночника, да конец хвоста. Тёмно-синий, как и вся пасть, язык касался длинных белых клыков, для которых и были предназначены сумки.

Неизвестный ему наблюдатель смотрел на Иртаана спереди, и тот видел свои синие глаза с круглыми зрачками и полупрозрачные сиреневые рога, выходившие из головы промеж ушей.

Наконец, изучив себя со стороны, первозверь перенес своё внимание на смотрящего... второй поток восприятия завершился, а в первом Иртаан увидел, что он — не один. Прямо перед ним, примяв траву широкими лапами, полукругом сидели три саблезуба и выжидательно смотрели на него. Зацепившись за понятие «выжидательно» юный первозверь неосознанно послал запрос и получил ответ: *три сидящих зверя, над головами которых Или-а-Нарри чертила дугу в небе.* «Это значит, что они готовы ждать» — понял Иртаан.

В то же время ему не хотелось заставлять ждать встречающую его тройку. Поэтому он, показывая свой интерес, склонил голову набок, одновременно опуская её вниз, поднял переднюю левую лапу, прижал её к груди и передал <Я готов к диалогу>. Трое саблезубов повторили его приветствие и первозверь почувствовал, как все трое торжественно общараются к нему: <Приветствуем тебя, Арр-Ирр-Тхаан. Ты — жив, всё самое страшное — позади, сейчас ты находишься в виртуальном пространстве нашей сети, и мы здесь для того, чтобы помочь с становлением тебя как твари нашего вида.>

Над пятном саванны, раскинувшейся где-то в средних широтах Йеррхао висела длинная, двадцатидвухчасовая ночь. И хотя у этого мира не было луны, нельзя было сказать, что всё вокруг окутывал непроницаемый мрак. В небе сияло множество, много больше, чем в Миролапье, ярких звёзд (пусть гиперспектральное зрение и не работало в темноте, память подсказывала первозверю — спектральных классов от W до A), и Иртаан, хоть он и был пока что неопытен в деле астронавигации, мог без труда определить направление на центр скопления. К звёздному свету добавлялся мягкий, зеленоватый, медленно меняющийся свет ионосферного сияния. И, наконец, едва заметно светились вытянутые листья местной травы,

сплошным ковром покрывавшей землю. Её бледно-голубое свечение свидетельствовало — юный первозверь уже знал это — о происходящих процессах темновой фазы фотосинтеза. Фиксация углекислого газа сопровождалась образованием соединений, сбрасывавших возбуждение при помощи излучения квантов света. Трава светилась — притом куда ярче — и днём, но в это время сияние Или-а-Нарри затмевало все остальные источники света.

Так, наблюдая за огоньками во тьме, Иртаан шёл сквозь саванну к невысокому полусферическому зданию, яркой точкой выделявшемуся впереди. Он ещё не до конца привык к коллективности своего нового вида, и потому, вместо того, чтобы телепортироваться прямо в школу, решил совершить небольшую прогулку в одиночестве.

Школа представляла собой скорее беседку, чем дом. Она была круглой в сечении, с понижавшимся к центру полом, покрытым резинообразным веществом, и стенами, плавно изгибавшимися внутрь, словно лепестки цветка. Потолка не было, и находясь внутри достаточно было поднять морду, чтобы увидеть ночное небо. Тьму разгоняли светильники, синими дугами расположенные на внутренней поверхности стен.

Шагнув в проём между двумя стенами Иртаан увидел, что здание не пустовало — в самом его центре, в углублении пола лежала, почёсывая себя лапой по шее, матёрая самка. <Гирри-ас-ин-Сиэрт, эффектор, служба учителей, специализация — манипуляции в атомном масштабе> — ощутил он. Рядом с ней, на высоте ширины лапы, в воздухе висел круглый столик, на котором, заключённая в металлическую оправу, тускло блестела какая-то пластина (спектрограмма соответствовала высокоочищенному кремнию). Помимо пластины на столике стояла чашка с порошком красного фосфора и пара приборов, в которых первозверь узнал универсальный тестер и объёмный анализатор.

Пока Иртаан разглядывал Гирри-ас-ин-Сиэрт, рядом с ним появился и завис над полом в точности такой же столик с пластиной и приборами. Помимо эффекторши в освещённом кругу находилось несколько молодых — примерно столетних, как оценил бывший горноста́й — зверей — таких же учеников, как он сам.

Вся группа — а это девять саблезубов — ещё не собралась, и потому вместо того, чтобы спокойно лежать на своих местах, они собрались в кучу, из которой торчали головы, лапы и хвосты, и наслаждались прикосновениями друг к другу. Решив, что он получил достаточно одиночества во время своей прогулки по саванне, Иртаан подошёл к куче, обхватил первое попавшееся существо лапами и принялся мелко покусывать шкуру на чьих-то щеках. Ласкаясь и принимая ласки, он в то же время делился новостями о том, что произошло с момента последней его встречи с этими существами.

Конечно, для того чтобы обменяться новостями, физически собраться в одном месте совершенно не требовалось — достаточно было обратиться к существу по сети — но у каждого из учеников была своя жизнь, наполненная тренировками, уроками, размышлениями о своём прошлом и будущем, процессом адаптации к своему новому состоянию и множеством других вещей. А потому особого желания просто так контактировать друг с другом они не испытывали. Тем более, что пока что они ещё не осознали всего, что значит близость для существ их вида... и конечно же для них ещё не настало время образования троек.

Пока Иртаан рассказывал о своей жизни и слушал других (его новое тело позволяло делать это одновременно), он не заметил, как Гирри-ас-ин-Сиэрт поднялась со своего места, неспешно подошла к ученикам, и принялась гладить их по спинам, расчёсывая своими когтями нежный мех детёнышей.

Когда каждый из них получил свою долю ласки, она широковещательным сообщением сфокусировала внимание зверёнышей на себе и попросила каждого из девяти лечь на своё место. Ученики неспешно расцепились и последовали её просьбе, образовав вокруг неё круг. Каждый первозверь был обращён мордой к Сиэрт, около каждой морды леветировало по столику с принадлежностями.

Эффекторша выждала небольшую паузу, давая время ученикам настроиться на восприятие информации и восстановить контекст, сохранённый в конце прошлого занятия, и начала.

— Итак, теперь вы знаете, и, более того, попробовали сами, что это — возможно. *Слегка размытый из-за квантовой неопределённости образ одинокого атома фосфора, вклинившегося в кристаллическую решётку кремния*. В большинстве случаев, однако, единственный новый атом не окажет никакого влияния на изменяемое вами вещество.

— А ещё — способ, которым вы его создали, хоть и поучителен в плане того, что позволяет вам ощутить ваши собственные возможности, весьма неоптимален. Реальность — вязкая штука, и прямые вмешательства такого рода требуют приложения большого количества сил. Помимо этого *образ толпы существ самых разных видов, выражающих своё недоверие способами, принятыми в их культурах* — представители большинства цивилизаций — по крайней мере до контакта с нами — считают создание вещества из ничего (заметьте, не из вакуума!) — невозможным. Здесь, на Йеррхао, их недоверие не играет никакой роли, однако в их родных мирах сила консенсуса значительно осложняет такие манипуляции.

— Они, конечно же, останутся возможными, и вам непременно придётся прибегать к ним время от времени... но мы отложим их изучение до несколько более позднего момента вашей жизни. Сейчас же мы займёмся совершенно другой формой управления реальности — более лёгкой, не нарушающей законы мироздания напрямую и, следует заметить, менее конфликтующей с консенсусом младших видов.

— Встречайте — управление вероятностями. Мы не будем пытаться заставить Вселенную сделать непривычную для неё вещь. Вместо этого мы возьмём процесс, который возможен, хоть и маловероятен, и сделаем так, что эта малая вероятность реализуется здесь и сейчас.

Закончив это краткое вступление, Сиэрт предложила молодым зверям изучить содержимое их круглых столиков.

— Здесь у нас, как вы видите, высокоочищенный кремний. *Образ блестящей серой пластины, заключённой в золотистую оправу.* — Подключите к себе приборы и изучите её.

Эффекторша установила связь со своим объёмным анализатором и в её схеме тела появился новый орган, чем-то подобный глазу. Также как и зрение, он давал информацию о типе и расположении тел в пространстве, однако этими телами, в данном случае, были отдельные атомы.

— Как вы чувствуете — кремний, особенно в центре пластины, очень чист — в моём случае в толще образца мне попадает один атом примесей на примерно 3^{21} атомов. У вас, полагаю, должны получиться величины этого же порядка. Вследствие этой чистоты образец плохо проводит электричество — у меня получился примерно килоом на сантиметр.

— А теперь обратите своё внимание на чашку рядом с пластиной. В ней мелкокристаллический красный фосфор. Атомы фосфора, внедрённые в кристаллическую решётку кремния, являются донорами электронов, и потому такой легированный кристалл превращается в полупроводник n-типа.

— Как раз его мы и будем сегодня синтезировать, контролируя успех по изменению проводимости и непосредственно наблюдая внедрённые атомы.

Гирри-ас-ин-Сиэрт приглашающе раскрыла своё сознание и позвала учеников подсоединиться к ней, чтобы чувствовать всё, что она будет делать.

— Итак, у нас есть кремний и фосфор. — Сиэрт взглядом подвинула чашечку с фосфором и накрыла её кремниевой пластинкой. — Однако нам нужен не просто кремний и фосфор, а фосфор внутри кремния. И, если мы сейчас оставим всё как есть — то со временем, возможно — через многие миллиарды, а то и триллионы лет мы получим искомое.

— Существует ничтожно малая, но не нулевая вероятность того, что атом фосфора туннелирует, и окажется внутри кремниевого кристалла. Какой именно атом и в какое именно место он попадёт? Не важно. Позволим Вселенной самой выбирать это. Мы всего лишь

увеличиваем вероятность туннелирования — и через некоторое время получаем равномерно легированный кристалл.

— Как именно мы будем влиять на вероятность? Здесь нам на помощь придёт консенсуальная природа реальности. Вы — теперешние, как вы поняли на предыдущем занятии, являетесь существами, способными подчинять себе реальность. В данном случае вы будете изменять локальный консенсус. Проще передавая вы в одиночку будете наблюдать за своими кристаллами, чтобы исключить стороннее влияние, и представлять, что туннелирование уже произошло. В этом случае единственным консенсусом, на который способна опереться реальность, будет ваше сознание. И Вселенной не останется ничего делать, кроме как согласиться с вами.

— Кроме того, создайте ещё один поток восприятия и понаблюдайте за собой. Когда у вас что-то не получается — инстинкты будут предлагать вам воспользоваться помощью вида. Когда вид как целое использует вас в качестве проводника собственного внимания — вы можете творить поистине чудесные вещи, не пренебрегайте этой возможностью в случае реальных задач. Сейчас же — вы должны научиться управлять реальностью самостоятельно, ведь конечная цель нашего обучения — из потребителя ресурсов сети превратиться в их поставщика.

Закончив эту краткую теоретическую часть Сиэрт так же, как советовала ученикам, создала новый поток восприятия и подключила их к нему. Теперь молодые первозвери оказались как бы в двух местах одновременно. С одной стороны они по-прежнему лежали на податливом полу под усыпанным яркими звёздами ночным небом Йеррхао. С другой — они были сейчас внутри эффлекторши, все вместе, будто бы касаясь друг друга. И находясь в ней, ученики могли наблюдать за каждой, даже самой мимолётной её мыслью, чувствовать всё, что ощущает она и понимать, что Сиэрт делает.

Та, в свою очередь сосредоточилась на кремниевой пластине. Иртаан вместе с остальными зверьми ощутил, не увидел, а именно почувствовал, дрожащие и размазанные из-за квантовой неопределённости сгустки, образующие упорядоченную структуру кристаллической решётки. Все они были неотличимы один от другого, и ученики поняли — это атомы кремния.

Гирри-ас-ин-Сиэрт перенесла фокус внимания на чашечку с фосфором. Его атомы также образовывали решётку, но не кубическую, а состоящую из множества пирамидок, и были немного меньше.

Эффлекторша выбрала один из атомов и, удерживая своё внимание на нём, вновь переключилась на кремниевую пластину. Затем она совместила оба потока восприятия таким образом, что атом фосфора заместил собой один из атомов кремния и стала удерживать этот образ.

<Теперь — подождём немного> — почувствовали мысль Сиэрт зверёныши. <Туннелирование — вероятностный процесс, чем дольше мы ждём — тем больше шанс, что оно произойдёт. Впрочем, ждать долго нам не придётся. Я — опытна, а вы... пусть для вас происходящее ещё не является привычным, влияете на консенсус в незначительной степени.>

Пока эффлекторша передавала эту мысль, прошло несколько микросекунд. Возможно, она решила, что этого времени недостаточно из-за влияния учеников, или просто хотела быть уверенной в успехе — но ин-Сиэрт передала молодым первозверям указание подождать ещё — примерно миллисекунду.

После этого она отпустила своё внимание и запросила повторное сканирование.

<Как мы видим> — зверица указала на отличавшийся от других атом — <фосфор уже здесь. Нам не нужно было обдумывать то, как он здесь оказался — мы просто позволили произойти естественному, хоть и редкому событию.>

<Теперь пусть каждый из вас сфокусирует своё внимание на группе атомов фосфора, проследите только за тем, чтобы ваши группы не пересекались. Ощутите эти атомы, определите их местоположение... а теперь не отпуская своего внимания от фосфора выберите себе участок кремниевой пластины... совместите их, видя атомы фосфора среди

атомов кремния... удерживайте этот образ, и ждите...> — Сиэрт не просто давала указания своим ученикам, но и передавала необходимые для решения этой задачи ощущения и образы мыслей.

Кроме того, она следила за всеми девятью и корректировала их действия. Управление реальностью, в отличие от множества других навыков, не могло быть просто загружено из сети, требовалось научиться правильному способу мышления и восприятия непосредственно на своём опыте.

Выждав достаточное время, эффекторша передала ученикам, что они могут прекратить концентрацию. Она вновь просканировала кремний и показала зверьям области, легированные фосфором. <Это сделали вы сами, пусть и по моим командам. Сейчас вы давили на реальность все вместе (это легче, чем по-одиночке) — и вот результат — Вселенная прогнулась под вас. Тем не менее> — Сиэрт продемонстрировала показания тестера — <этого недостаточно. Как видите, кристалл по-прежнему плохо проводит электричество. Сейчас легированные области малы и не сообщаются между собой.>

<Поэтому мы сейчас повторим воздействие, и не раз. Вы будете действовать, я буду наблюдать и корректировать. Начните с малых областей и постепенно увеличивайте их размеры, снижая детализацию. Переходите от ощущения отдельных атомов к целым фрагментам кристаллической решётки.>

Последовали полные напряжённого представления образов полчаса, по прошествии которых удельное сопротивление пластины наконец снизилось до единиц ом на сантиметр. Теперь она была относительно равномерно легирована по всему объёму, а ученики (и это было самое главное) убедились в том, что они способны влиять на реальность, и не на отдельные атомы, а в макроскопическом масштабе. Новая задача ждала их — повторить то, что они только что сделали, но в одиночку, каждый со своей пластиной.

Сиэрт при этом по-прежнему наблюдала за детёнышами, но от выдачи коррекций воздерживалась, позволяя ученикам самим наблюдать за успешными и неудачными результатами их попыток и корректировать свой образ мыслей исходя из этого. Кроме того она попросила не подглядывать их друг за другом. Хотя это и было естественным для их нового вида, подглядывание оказывало влияние на консенсус.

В этот раз ожидание изменения проводимости образцов продлилось куда дольше — лишь спустя три с небольшим часа А-Гхарр-Ал-Раккс, сопроводив своё обращение слепком эмоций, в коем явственно выделялось волнение, сообщил, что ему удалось добиться снижения сопротивления. Иртаан, нащупавший к этому времени правильный способ переноса крупных групп атомов, не удивился его успеху. В прошлом Ал-Раккс принадлежал к виду, которому было знакомо понятие воздействия на реальность силой мысли. Впрочем, в его виде (сеть подсказала юному первозверю — подобные существа назывались «драконы») эта способность была редкой, а сам процесс был совершенно лишён научного обоснования, и овладение им требовало годы, а не часы, обучения.

Перенос атомы фосфора в кремниевую пластину, Иртаан одновременно рылся в своей памяти. Если раньше, когда он ещё был старым горностаем, многие события терялись в дымке лет, то теперь события его прошлого — конечно не все, а лишь те, что казались ему в то время достаточно важными для запоминания — были чётки, будто бы они произошли только что, доступны, отсортированы хронологически и увязаны ассоциативными связями.

Первозверь искал в информации из своего прошлого намёки на подобную податливость реальности, но нигде, даже в сказках о сотворении мира не находил ничего подобного. Боги и празвери не создавали мир силой мысли — мир возникал сам, и, хотя реальность и не являлась в тех сказках статичной, она проявляла инициативу, а не подчинялась. Например, Иртаан ясно помнил собачью легенду о том, что отдельные шерстинки из колтуна прапса сами превратились в собак разных пород. То же самое было и в куньих сказаниях — шерстинки, превратившиеся в зверей, и звери, перенявшие свойства других вещей против своей воли: например пятна перевязки, появившиеся из-за того, что хорёк испачкал свой бока. Быть может, думал бывший горностаем, природа Миротапья принципиально отлична от

реальности, окружавшей его сейчас. Быть может и в самом деле реальность там сама формировала себя? А может быть была другая, неизвестная обитателям Миролапья воля, придававшая ему форму?

Иртаан не знал ответа. Он подозревал, что многое прояснится, когда он будет готов прочитать один пакет информации... его дескриптор указывал на то, что в нём содержится всё, что его новый вид знал о Миролапье. Юный первозверь наткнулся на него ещё до того, как получил своё новое тело... и при попытке его прочитать получил предупреждение о том, что он (да, вид обратился к нему лично) не готов принять эти знания. Нет, никто не скрывал от него их — если бы он настаивал, вся информация была бы предоставлена немедленно, но, она несомненно (и Иртаан знал, что вид не врёт) причинила бы ему существенный вред.

Узнав об этом Иртаан обратился к Ар-Синнари — уже тогда он знал, что та в определённом смысле опекала его — и она обещала ему, что как только он будет готов — она ему сообщит, и поможет осмыслить всё, что содержится в том пакете.

Так, размышляя о природе реальности Миролапья, молодой первозверь закончил легирование своей пластины. У него это заняло больше четырёх часов и он закончил задачу седьмым. Если бы он по-прежнему оставался горностаем — он возможно огорчился бы тому, что многими задание далось легче и быстрее. Будучи первозверем, однако, он не ощущал ничего подобного — конкуренция была совершенно чужда его новому виду, а то, что он показал не лучший результат означало лишь то, что учителям нужно уделять ему больше внимания.

Иртаан лежал на своём месте, наблюдая за образами, возникающими в сознании учеников, что ещё не завершили задания, и ждал, пока Гирри-ас-ин-Сиэрр просмотрит слепок его мыслей и укажет ему на правильные и неправильные действия, предпринятые в процессе переноса атомов... вот она отправила бывшему горностаю аннотированную запись, и в этот же момент он почувствовал, что к нему обращается Ар-Синнари.

— Мы немного наблюдали за тобой, Ирр-Тхаан... занимаешься управлением реальностью?

Первозверь по-привычке, оставшейся от старого тела, кивнул.

— Полагаю, сейчас самое время обсудить с тобой кое что... тем более что ты, чувствую, думал о природе Миролапья. Будет правильнее, если ты возьмёшь своё тело и прыгнешь сюда: *набор 11-координат*

— Это ведь связано с тем *указатель на опасную для него информацию* пакетом? *наклонённая на бок голова горностаея в зимнем меху* — почувствовал Иртаан мысли, не переданные Синнари явно.

— Да, но не только с ним. Мы думаем *взрослая саблезубица, прижимающая к себе сидящего промеж её передних лап детёныша* что ты готов прочувствовать его. Не бойся, мы сделаем это вместе. Жду тебя.

Контактёрша (молодой первозверь теперь знал, что Синнари специализируется на контактах с другими видами) переключила соединение в фон, указывая на то, что теперь дело за ним.

Иртаан послал локальный широковещательный запрос, спрашивая у всех зверей, находившихся в беседке «Нужна ли кому-нибудь помощь? Есть ли ещё задания? Не будете ли вы против, если я сейчас пойду?», и, не успело ещё его тело подняться на лапы, как он собрал ответы от всех девятиерых, суть которых сводилась к тому, что его отсутствие никому не навредит.

Передав на прощание поглаживание, бывший горностаея указал телепорту в своём ошейнике координаты, переданные Синнари, и спустя мгновение исчез из ночного здания. Лишь несколько шерстинок, оказавшиеся вне зоны телепортации, взлетели в воздух, потревоженные перепадом давления.

Прошло полсекунды ожидания — и вот тело Иртаана переподключилось к сети. Первозверь огляделся — и белый свет, лившийся с неба, подтвердил то, на что указала ему навигационная система — он оказался на Аренхааре. Эта планета — единственная из всех,

освоенных его видом — вращалась вокруг звезды позднего А-класса, кроме того, её местоположение не являлось тайной для других видов. Остальные миры первозверей находились на орбитах WNh-звезд, тесно сгрудившихся в каком-то затерянном шаровом скоплении.

Аренхаар использовался ими как гостевой мир — место, где самые разные цивилизации могли общаться как с ними, так и друг с другом. И, для большего комфорта гостей, он не был полностью преобразован под нужды нового вида Иртаана — посему вместо бескрайних пустынь и саванн, заросших жёлтой травой с узкими тёмно-синими листьями, здесь были и леса, и луга, и, даже временами выпадал снег. Хотя заснеженные области были невелики, а сами зимы не были такими суровыми, как в Миролапье.

Бывший горноста́й хотел было оглядеться по сторонам — он сохранил неуёмное любопытство, свойственное куньим, но тут же понял, что это не так просто сделать — местность вокруг была покрыта высоченной, ярко-зелёной, как на лугах его прошлой родины, травой, достававшей ему до носа.

Иртаан подался назад, коснувшись пятками влажной земли, и поднялся на задние лапы — он постоянно так делал в своей прошлой жизни. Его новое тело не было приспособлено к таким нагрузкам, но меньшая, примерно равная Миролапской, сила тяжести Арэнхаара, позволила ему выпрямиться — он ощутил, что давление на некоторые точки межпозвоночных дисков приблизилось к опасным значениям, но не достигло их.

С двухметровой высоты своего роста юный первозверь увидел море травы, раскинувшееся насколько хватало глаз. Лёгкий ветер гнал по нему волны, словно это была настоящая вода. Впрочем, прислушавшись, Иртаан уловил доносящийся издалека звук текущей воды. Он опустился на четыре лапы, повернулся, поднялся снова — и на этот раз его взору открылась узкая речка, почти ручей, до которой было метров двести... а ещё бывший горноста́й почувствовал направленное на него внимание Синнари.

Только лишь он собрался запросить её местоположение, как что-то толкнуло его в спину, Иртаан коротко взрыкнул от удивления и вытянул передние лапы, чтобы не удариться о землю сумками для клыков. Не успел он ещё приземлиться, как почувствовал на себе тяжесть чужого тела, за которой последовал чувствительный укус в загривок. Коснувшись одной лапой земли он перевернулся, и, упав на бок, прокатился на спине, сминая траву и оставляя на своём белом меху зелёные пятна, пытаясь стряхнуть с себя нападавшего. Тот, впрочем, вовремя соскочил с зверёныша, и, когда Иртаан оказался животом кверху, вновь прыгнул на него.

Пытаясь понять, что происходит он рефлекторно отправил запрос к сети, и понял, что напавший на него зверь и есть Синнари. Кроме того, ответ указывал на то, что это не нападение, а всего лишь игра. Впрочем, даже в игре бывший горноста́й не хотел оказаться добычей, потому он прикрыл левой лапой горло, выпустил когти и со всех сил оттолкнул обоими лапами налетевшую на него хищницу. Та отскочила, и, как и Иртаан несколько мгновений назад, поднялась на задние лапы, распахнув пасть и обнажив клыки.

Он в свою очередь не стал дожидаться удара, и тоже поднялся, намереваясь укунить её первым. Звери сцепились, стоя на задних лапах, касаясь клыками шей и принялись бороться, пытаясь повалить друг друга на землю. В пылу борьбы бывший горноста́й не заметил, как на примятый кружок травы выбрались и Реларри с Ассаром. Реларри, вычислитель, выглядел не старше Иртаана с Синнари, Ин Ассар же был старше и раза в полтора крупнее своих партнёров по тройке. Накопители всегда, чтобы быть готовыми снабжать Силой своих близких, получали новые тела первыми.

Живущий в первый раз первозверь не догадывался, что управление реальностью можно использовать в том числе и чтобы победить в борьбе, Синнари же, видя это, решила преподать ему урок — и вот уже бывший горноста́й чувствует, как его лапы скользят словно бы по стеклу и падает на спину. Он пытается подняться и понимает, что его спина и лапы приросли к земле. Зверёныш пытается вырваться, извивается, и видит, как самка с хищной улыбкой опускается на него сверху и её пасть приближается к его шее.

Иртаан, признавая поражение, подставил Синнари горло. Этот жест принёс с собой чувство доверия к ней... зверёныш проанализировал себя и понял — это от того, что он предстал перед хищницей беззащитным и передал ей власть над собой. <Она может убить моё тело, но я всё равно открыт перед ней> — такова была его мысль.

Спустя мгновение, когда Синнари осторожно сжала его горло своими резцами, бывший горностаёй ощутил — <нет, она не может убить моё тело. Оно — исправно, а значит единственное исключение, позволяющее убить разумное существо, здесь неприменимо.>

Иртаан расслабился и полностью отдал себя во власть самки, ощущая странное умиротворение и что-то, подобное удовольствию. Синнари разжала зубы, и в тот же момент зверёныш почувствовал, что земля перестала притягивать его спину — но вместо того, чтобы вывернуться из под самки, он, придавленный её весом, остался лежать, раскинув лапы. Та подалась вперёд и принялась тереться щекой об его морду... Иртаан вдохнул прохладный воздух Арэнхаара и ощутил новый аромат — его собственный запах, смешанный с запахом тройки Синнари. Спустя пару мгновений к самке присоединились и остальные члены тройки: Реларри растянулся рядом с Иртааном, подставляясь своему эффектору, а Ин Ассар принялся облизывать всех троих.

<Прости... но ты так сосредоточено изучал окружающую местность, что не заметил меня... и я захотела поохотиться. Моё молодое тело подталкивает к таким шуткам. А ещё — ты получил пару уроков.>

<Пару?> — Иртаан вопросительно повернул голову, подставив Синнари щёку, и та принялась мелко кусать её, словно выискивая блох.

<Пару. Во-первых не фокусируй всё своё внимание на чём-то одном. Я понимаю, что это — привычка из старой жизни, но теперь ты можешь больше, чем тогда. Разделись на два потока и в одном ищи меня — а во втором продолжай следить за миром вокруг тебя. Сейчас это была всего лишь игра, но когда-нибудь от твоей внимательности будут зависеть жизни других существ... да и твоё тело — штука ценная. Береги его, если это не противоречит твоим задачам. Кстати, чувствую, что ты уже забыл о таком явлении из твоей прошлой жизни как ревность — а потому я тоже сейчас распараллелюсь и займусь не только тобой.>

Передав эту мысль Синнари отпустила юного первозверя — но только на мгновение, чтобы подвинуться вбок. Теперь под одной её лапой оказался живот бывшего горностаёй, а под живот Иссэра. Обои лапами она принялась играть с сосками самцов, время от времени касаясь их и языком.

<А второй урок?> — передал Иртаан, обхватив плечи Синнари своими лапами, играя в ревность — <не отпущу.>

<Второй? Он прост и проистекает из нашей борьбы> — начала Синнари, подставляя боковую поверхность своей шеи под зубы бывшего горностаёй — <Всегда помни о том, что отныне ты не ограничен возможностями своего тела. Не можешь добиться своего, используя тело — добивайся, пользуясь возможностью напрямую влиять на реальность. Или, если и этого недостаточно — подключай столько членов вида, сколько потребуется.>

<Впрочем, достаточно уроков...> — остановилась Синнари, и Иртаан понял, что она заметила его состояние. Это нельзя было назвать полноценным возбуждением — его тело было ещё слишком молодо для йиффа — но ощущения напомнили зверёнышу то, что он впервые почувствовал век назад. Тогда, впрочем, он, как и положено самцу-горностаёй, выступал в активной роли, сейчас же он не хотел вылезать из под подчинившей его самки и желал, чтобы она сделала всё сама. Синнари, впрочем, тоже не была образцом спокойствия — этому в немалой мере способствовал язык Ассара промеж её задних лап.

Она потёрлась животом о меховую сумку, скрывавшую в себе его увеличившийся член, и выпрямила передние лапы. <Рано. Не думаю, что сейчас у нас что-нибудь получится... думаю, пройдёт ещё лет тридцать, прежде чем наши тела будут готовы... я могла бы попробовать с ним — *указатель на накопителя* — но он просто меня порвёт. Впрочем> — самка передала указатель на месторасположение ближайших взрослых первозверей — <мы можем одолжить их тела.>

Иртаан, следуя уроку, преподанному Синнари, расщепил себя, в одном потоке продолжая испытывать влечение, в другом же обдумывая её предложение.

<Обязательно воспользуемся их телами...> *Синнари, носящая своё молодое тело, повязанная взрослым самцом, эта идея понравилась Иртаану* <но ты права, позже. Ты ведь позвала меня на Арэнхаар не для того, чтобы поийфаться среди зелёной травы?>

<Да, не за этим... вернее — не только за этим. Йиффа я тоже хочу... после небольшой экскурсии> *Иртаан, вылезавший из под юной самки, и встающий плечом к плечу с ней*

Повинуясь образу, зверёныш вывернулся из-под Синнари, глубоко вздохнул, расправляя слегка помятую грудь, потянулся, и встал рядом с ней, прижавшись к самке боком. Реларри и Ассар встали напротив, тоже тесно касаясь друг друга — так телепорту потребуется меньше энергии.

— Куда мы теперь?

— Недалеко, локально *указатель на сферические координаты*. Музей межвидовых отношений.

Музеем это место можно было назвать, впрочем, только за неимением в человеческом языке более подходящего слова. Возможно, правильнее было бы сказать «Комплекс, посвящённый межвидовым отношениям». Это была огромная территория, способная посоперничать по площади с многими городами младших цивилизаций. По ней были разбросаны одиночные здания и целые кварталы, каждое — в стиле разной культуры.

Был здесь и характерный для первозвериных жилых зданий шпиль, были и золотистые купола собственно музея. С ними соседствовал утопающий в зелени, скрывающей одноэтажные здания, квартал лисотавров. В некотором отдалении начиналось то, что человек назвал бы экопарком — экосистемы разных миров, надёжно заключённые внутри уходящих в землю сфер силовых полей, открытые для посещения для всех желающих.

Кроме информационной и развлекательной функции, комплекс выполнял и другие... например, здесь находились посольства некоторых цивилизаций, контакт с которыми был установлен достаточно давно...

Вблизи же от телепорта, где появились Иртаан и тройка Синнари, возвышался огромный, желто-коричневый и слегка блестящий, с овальными проёмами у основания купол главного здания, окружённый зонами телепортации. От них к нему тянулось множество дорожек, как неподвижных, покрытых регенерирующей резиной (такими обычно пользовались большие звери), так и самодвижущихся — их, обычно, предпочитали те, чей шаг был невелик, но кто, тем не менее, хотел осмотреть окрестности. Между дорожками расстился газон — но не такой, который регулярно нужно подстригать, а засаженный специально разработанной травой, не выраставшей выше необходимого.

Нельзя сказать, что прыгнув сюда бывший горностаи оказался в толпе, но место было многозверно. По дорожкам шли, ехали и ползли самые разные существа. Среди них взгляд Иртаана привлёк матово белый шар, висевший над травой, окружённый несколькими шариками меньшего размера. <Явно на гравитационном подвесе висит> — подумал первозверь и, удивившись возможности существования биологического гравитационного генератора, запросил сеть. Вскоре пришёл ответ, и оказалось, что то, что Иртаан принял за существо — это сорт скафандра. Внутри находился обитатель глубин, для которого было необходимо высокое давление воды, насыщенной сероводородом. Большой шар — его аквариум, шарики же — роботы, игравшие роль органов чувств. Юный первозверь заинтересовался этой темой чуть больше и ощутил — разумная глубоководная жизнь — большая редкость. К тому же, если такая жизнь не обладает выдающимися псионическими способностями, её шанс выйти в космос и вступить в контакт... ну, примерно равны таковым для запертых в оболочке из Надмирья жителей Миролапья. Этот конкретный вид (название — последовательность электрических импульсов, генерируемых специальными органами) выбрался в космос благодаря одной из цивилизаций «свиты» — группы видов, тесно связанных с новым видом Иртаана.

На траве возле одной из дорожек зверёныш увидел пару чакатов *ответ службы ассоциативной памяти — искусственные шестилапые кошкотавры-гермафродиты с Чаконы*, йиффавшихся с лежавшим на спине молодым перевозверем. Одна чакатица лежала у него на груди, вонзив ему в бока руколапы так, что мех окрасился синим от крови, и чесала его горло, в то время как другая, кусая за загривок свою любимую, сама насаживалась на член самца.

<Извиняйте, пока что не можем присоединиться к вам, заняты> — уловил Иртаан мысль Синнари.

<Когда ты со своей тройкой — то с другими в основном общаешься именно ты. Это потому, что ты — эффектор?> — задал вопрос бывший горноста́й, расщепив себя на два потока, и посылая всяческие йиффливые образы чакатам во втором из них.

Образ опускаемой вниз головы <Верно подмечено. Нет, конечно из любого правила бывают исключения, встречаются тройки, в коих все члены общаются с окружающимися, встречаются и молчаливые эффекторы, но это именно что исключения. Кстати, ты не думал ещё о том, кем ты сам можешь быть?> *три версии Иртаана, сидящие кругом*

<Я пробовал примерять на себя все три роли, но пока, если честно не чувствую близости ни к одной из них...>

<Для твоего возраста это нормально> — подал мысль Реларри. <Период специализации наступает обычно на второй-третий цикл, бывает, что и позже> *Указатель на справочник, содержащий информацию о том, что циклом называли одну жизнь тела*

<Но даже если все эти роли для тебя пока что далеки> — вмешалась, хитро облизнувшись, Синнари, — <думаю, в ближайшие века тебе придётся служить в качестве эффектора.>

<Почему это?> — не переставая шагать к главному зданию, наклонил голову Иртаан.

<Очень скоро узнаешь> — промыслила в ответ контактёрша — <кстати, это непосредственно связано с целью нашего визита сюда.>

Так, неспешно обмениваясь мыслями и осматривая окрестности, перевозвери добрались до одного из высоченных, в несколько десятков метров, проходов внутрь.

Заинтересовавшись, зачем нужна такая высота, бывший горноста́й спросил сеть — и внезапно получил набор образов от, собственно, архитектора этого здания: *огромное морское животное в гибком скафандре, соответствующим форме его тела, заполненным водой и обвешанным снаружи антигравитами и силовой установкой на спине. Животное неспешно вплывало в здание сквозь проход и парило над головами посетителей* <Мало ли кто ещё захочет посетить музей лично, не пользуясь телеприсутствием, вот и сделали такие проходы. Антигравиты у того существа, кстати, трёхкратно дублированы, так что не упадёт, не раздавит. Да и здание готово его подхватить. Мы эту функцию придумали для крупных крылатых — они могут попросить здание, и то вырастит им висящую в воздухе полку из силовых полей.>

<Понятно> — ответил Иртаан, сопроводив свою мысль флагом удивления — мол <вот оно как бывает, оказывается?> Ему явно предстояло научиться ещё множеству всего...

В главном здании, как оказалось, собственно никакого музея и не было, зато было множество существ самых разных типов и, транслируемые в сознание посетителей, границы зон телепортации. Желющие оказаться в определённом зале должны были найти нужную зону и дожидаться её заполнения. По-одному существу телепорты здесь не перебрасывали — это нужно было с одной стороны для экономии энергии, а с другой — чтобы не перегружать службу масс-транспорта множеством локализованных в одной области искривлений пространства.

Зоны, как заметил Иртаан, были не только полусферические — на полу, но и плавающие ближе к сводам купола шарообразные. Телепатический гид, который подключился к молодому перевозверю ещё на подходе к зданию, пояснил — это для крупных летающих существ. Для них было сделано исключение, чтобы не заставлять их зависать в воздухе: телепорты срабатывали, стоило им только оказаться внутри сферы.

От изучения обстановки бывшего горносталя отвлекло очень знакомое слово — «Миролапье». Немедленно сфокусировав своё внимание на логах, он понял — это слово было частью мысли Ар-Синнари, и тут же ощутил как она послала запрос всем, находящимся в здании, на «частотах», характерных для видов, возникших эволюционным путём: <Кто-нибудь хочет прыгнуть лично с нами в зал новейшей истории, предназначенный для существ, зрение которых приспособлено к звёздам спектрального класса G? Можем взять с собой одного-двух.>

Иртаан причувствовался, и уловил ответ от какого-то небольшого зверька, и следом за ним указание от Синнари о том, как ему добраться до них. В ожидании бывший горносталя сел на задние лапы и левой из них принялся чесать бок. Ждать пришлось недолго — вскоре он увидел существо и тут же ощутил светло-голубое, прохладное чувство ностальгии — скилтейр (таково было звуковое самоназвание вида) напомнила ему миролапскую выдру. Впрочем, только на первый взгляд — мех существа был серо-фиолетовым, четырёхлучевая форма зрачков привлекала внимание, а над глазами росла пара усиков, больше подошедших бы насекомому. Талию самки охватывал широкий пояс с прикрепленными к нему незнакомыми Иртаану инструментами.

Первозверь поднялся и взглядом пригласил Звезду-в-Ночи (сеть сообщала о такой интерпретации имени существа) занять место промеж его передних лап. Тройка Синнари обступила их, и спустя несколько мгновений они оказались в относительно небольшом по сравнению с главным зданием зале, залитым неярким жёлтым светом, исходящим из голубого потолка. В отличие от первозвериной архитектуры здесь были плоские пол и стены, не перетекающие плавно в потолок. Зал был длинным, словно коридор, по его бокам то здесь то там располагались ниши, в ближайшей из которых он увидел объемную картину, изображавшую тройку взрослых первозверей и чёрное кошкоподобное существо, сидевшее на спине одного из членов тройки.

Иртаан знал, что это не картины, а скорее превью того, что ожидает посетителя, зайдя он в нишу. А ожидало его... нечто среднее между фильмом и игрой. Войдя в картину посетитель оказывался на месте её участников, и мог как просто наблюдать за происходящим, так и активно взаимодействовать с виртуальным миром — например ощутить себя в шкуре кого-нибудь из первозверей и попытаться разрешить изображённую экспозицией ситуацию наилучшим образом.

В нишах и вокруг них сейчас было всего несколько существ — это было связано с тем, что залы были дублированы во избежание образования толпы. Кто-то прохаживался от ниши к нише, кто-то стоял неподвижно и отрешенно — такие были заняты переживанием сюжетов.

Иртаан и тройка Ар-Синнари, впрочем, у картин не задерживались. Контактёрша уверенно вела их дальше от входа, что, как пояснил телепатический гид, соответствовало все более близким временам. Экспозиции у входа показывали ситуации, возникавшие непосредственно после возрождения вида, конец же коридора соответствовал настоящему. С течением времени он удлинялся, обрастал новыми нишами, сворачивался в спираль и, наконец, создавался новый зал.

Тем не менее, бывший горносталя скользил вниманием по нишам, пытаясь вспомнить, какие из них он уже видел в прежнее — еще будучи миролапским зверьком — посещение музея.

Его взгляд зацепился за одну из них — явно новую. Картина изображала собой двуногое волкоподобное существо, несомненно самку, сидевшее за каким-то большим пультом с множеством кнопок и индикаторов. Вокруг левого плеча светло-серый мех самки был выкрашен в несколько разноцветных полосок.

Помещение, в котором находилась волчица, было залито красным светом аварийного освещения, а полуоскаленная морда и вытянутый хвост выдавали внутреннее напряжение в смеси с злостью и страхом.

Стоило Иртаану задуматься об изображённом, как он получил краткое описание от гида: <Такая-то и такая-то *воспроизведение звукового имени*, дежурная офицер РВСН,

предотвратила самоубийственную ядерную войну. Одна из двух сверхдержав в состоянии холодной войны нанесла упреждающий удар по пусковым шахтам противника, автоматическая система выдала команду на нанесение ответного удара по городам, эта волчица её заблокировала.

Пережила удар, была обвинена в измене и приговорена к расстрелу, спасена в процессе перевозвериной миротворческой операции. Последующая её история, по её собственному желанию, засекречена.

Наши извинения, о благородные посетители.>

«Засекречена?» — удивился Иртаан, и запросил у сети подробности произошедшего.

Оказалось, что волчица заблокировала ракетный удар не просто из зверолюбия, но и из религиозных соображений. Её же вера запрещала хвалиться совершённым добром и требовала абсолютной скромности. Посему она отказалась от принятия в вид (а совершённый ею подвиг давал ей полное право на это) и просила лишь дать ей новую внешность, имя и легенду и позволить ей и дальше жить среди её вида. Кроме того, она хотела остаться безвестной, и потому экспозиция была добавлена лишь после её смерти.

На то, чтобы усвоить эту информацию Иртаану потребовалась всего лишь малая доля секунды — и вот уже он вместе с тройкой контактёров удаляется от этой картины. Вскоре они вышли в круглое расширение зала. На одной из его стен было не превью, а самая настоящая объёмная картина — миниатюрная и изящная фиолетовая драконица, раздираемая несколькими перевозверьями. У неё уже не было крыльев, из спины торчали кровавые обрубки, пальцы передней правой лапы оказались в пасти одного из хищников, в то время как двое других насиловали её узенькие дырочки. Песок под драконицей весь в пятнах красной и синей крови, чешуя в нескольких местах разодрана — но тем не менее, казалось, что она с нежностью прижимает к себе одного из самцов последней не сломанной лапой.

Перед картиной сидела перевозверица — уже не детёныш, но только вступившая в период взрослости тела, как определил Иртаан. Её грудь и спину охватывала блестящая конструкция, похожая на шлейку лёгкого скафандра, но над спиной возвышался горб (сеть подсказала — компенсатор гравитации), а над плечами из неё выступали почти прозрачные крылья, явно сгенерированные из силовых полей. Зверица демонстративно раскинула их, почти от одной стены зала до другой, и рассказывала о чём-то в отдельном потоке собравшимся перед ней разновидным слушателям.

Проходя мимо, Синнари уважительно приветствует её, опустив голову к земле и прижав к груди левую переднюю лапу. Её тройка повторяет движение, и также и поступает Иртаан, получивший в этот момент краткую историю жизни Таки-Тэхи (именно такое имя получила эта самка, когда она ещё была драконицей) и узнавший, как она поспособствовала предотвращению войны внутри своего родного вида.

<Гррх, о благородный зверёк> — ощущает он обращение бывшей драконицы, сопровождаемое ощущением поглаживания. <Вижу, что ты тоже недавно среди нас — предлагаю тебе, когда у тебя будет свободное время, пообщаться — мне есть чем поделиться по части адаптации в нашем новом виде>

Иртаан пусть и мысленно, но по миролапской привычке кивает Тэхи и вместе с тройкой продолжает движение.

Наконец они добираются до цели — до одной из наиболее поздних экспозиций, размещённых у самого конца зала. Приблизившись к ней бывший горностаи понимает, что точно не мог видеть её во время предыдущего визита — ведь изображает она собственно его — Иртаана. Сменяются картины превью... вот он под снегом, охотится на мышей, вот — в своей норе, среди спасающихся от наводнения зверей в Бросхадоме, на блестящем зОлоте облучателе ФАР [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фазированная_антенная_решетка] и во время операции по восстановлению собственного мозга.

Пояснение гида гласит: <Иртаан — единственный абориген Миролапья (координаты — засекречены), выбравшийся за его пределы. Миролапье — застывший в развитии на нулевом уровне по шкале Кардашёва-Сагана [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шкала_Кардашёва] мир,

населённый четверолапыми разумными зверьми. Вследствие неудачного эксперимента Иртаан получил тяжелейшую радиочастотную травму и, впервые в истории вида, существо с такими повреждениями было вылечено, а не оцифровано и помещено в сеть. Кроме того, это редкий случай, когда находящемуся в коме существу была проведена психирургическая операция, направленная на устранение последствий травмы души, нанесённой ему неизвестным существом. Это связано с крайней его ценностью для Миролапья в контексте подготовки вмешательства. Причина вмешательства — в Миролапье одни разумные звери для выживания едят других разумных зверей. В настоящее время Иртаан принят в вид и проходит подготовку для выполнения важной, но пока что секретной, задачи.>

Бывший горноста́й мгновенно проанализировал это введение, и в его, теперь уже широкой, голове появилось несколько вопросов. Он знал, что его новый вид никогда не врёт, а значит...

<Единственный **абориген** выбравшийся за пределы Миролапья? Значит то, другое существо, не было аборигеном? Так кто же оно, ведь моя родина отделена от всей Вселенной Надмирьем?>

<Координаты — засекречены? Почему? Ведь в Миролапье и так никто не может проникнуть, даже вы?>

<Что вы знаете... что мы знаем о травме, нанесённой мне неизвестно кем и неизвестно когда?>

Иртаан и дальше продолжил бы задавать вопросы, заполняя ими очередь сообщений, но тут его прервала Синнари.

<Давай начнём по порядку. Эту тему лучше изучать постепенно, чтобы не утонуть в вопросах и удивлении. Соберись в один поток и — начнём.>

<А начнём мы, о благородный, вот с этого> — зверица передала юному самцу ссылку на документ. — <Знаешь, почему засекречены координаты? Потому, что их не существует в принципе, по крайней мере в нашем инфляционном домене [https://ru.wikipedia.org/wiki/Инфляционная_модель_Вселенной].>

Бывший горноста́й, как и просила Синнари, собрался в один поток, и, даже, по старой памяти глубоко вдохнул и выдохнул, хотя за это время мог бы уже прочитать весь документ. Тройка контактёров терпеливо ждала, не передавая в сеть ничего, что было бы обращено к Иртаану.

Наконец он обратил своё внимание на документ. Тот оказался отчётом археологической службы об исследовании архивов одной младшей цивилизации, достигшей к настоящему времени первого типа по Кардашёву-Сагану, и датировался более чем десятью тысячами лет назад. В нём описывались сохранившиеся данные одной из первых сетей этой цивилизации — и группа текстов, описывавших неизвестный виду ранее феномен. Явление это, видимо, не существовало в ранней Вселенной, когда вид жил в первый раз, и заключалось в существовании неких других миров, доступных через сознание одарённых существ, названных той цивилизацией «альтерристами». Эти альтерристы могли как входить в контакт с недоступными прочим мирами, так и создавать их самостоятельно.

Археологической службой было установлено, что рассказы разных альтерристов о своей деятельности сильно скоррелированы, и что сами они зачастую содержат описания одних и тех же миров, хотя сами альтерристы могли жить в разное время, а то и принадлежать к разным видам и цивилизациям. Кроме того, исследованные тексты утверждали, что альтеррист является только устройством связи и не волен изменять мир по своему желанию, что контрастировало с обычными вселенными различных творческих произведений. Единожды созданный, мир продолжал жить по установленным при его создании законам. Исходя из этой скоррелированности и реалистичности описанного, службой по исследованию законов мира было принято решение проверить возможность существования описанных миров в реальности.

Была выбрана одна из альтерр (а именно так называла исследуемая цивилизация эти, доступные не каждому, миры), для которой сохранился массивный корпус текстов и изображений, исследователи настроились на её псионический отпечаток и попытались телепортироваться в неё. Телепортироваться, конечно, не классическим гравитационным способом, а иначе, так, как делают только в случае особой необходимости. Они разорвали свою связь с пространством, выпав из него, и попытались в него вернуться...

<... в Миролापье?> — не дообмысливая документ, поражённо задал вопрос Иртаан.

Синнари наклонила голову и слегка кивнула. <Именно так. Более того, альтерристка, имевшая доступ к твоей родине, утверждала, что она её создала. Мы сейчас не знаем так это или нет, но имеется большая *передача параметров распределения* вероятность того, что Миролापье действительно создано ей.>

<И именно она — то существо, побывавшее за пределами Миролापья, но не его абориген?>

<Да, ты вновь прав. Более того, если она действительно создатель — то она до сих пор жива. Ведь если это так — то она лишь с одной стороны представитель той цивилизации. В то время там ещё не умели ни продлить жизнь, ни переносить сознание на новый носитель... и цивилизация эта так никогда и не слилась в единое существо. Посему с одной стороны она — Варра — несомненно мертва уже как минимум пару миллионов лет. С другой стороны — у вас в Миролапье прошло совсем немного времени... с третьей — как истинный создатель она, скорее всего, неуязвима и бессмертна, и даже сам Карго с его волками не смог бы ей ничего сделать.>

<Варра?> — задумался Иртаан. — <Где-то я слышал это имя... кажется, она — росомаха?>

<Да, та, что путешествовала с ольхом Лесья. Но подожди, ты сможешь ознакомиться со всеми этими текстами и картинками позже, когда мы закончим. Чтобы ты не волновался — передам сразу — о тебе и твоей судьбе там ни буквы, ни штриха нет.>

Первозверь почувствовал в мыслях Синнари некую закрытость, будто она знала что-то ещё, и пока-что утаивала это.

<Так и есть, не спеши, в ближайшее время у тебя будет достаточно откровений — давай обмысливать их по-очереди.> — контактёрша сделала почти незаметную паузу и продолжила — <Так вот, о координатах... мы засекретили всё, что связано с альтерристкой. В первую очередь для того, чтобы избежать возможной атаки на вид. Представь себе, что кто-то создаёт альтерру, наполненную бесконечными страданиями всяческих существ. При этом, он может сделать эти страдания воистину великими... после чего подкинуть альтерру нам. Мы обязаны будем вмешаться и потратить огромное количество сил на то, чтобы хоть что-то предпринять. Ведь мы ещё не знаем, как проникнуть в альтерру.>

Так что пусть пока что существа думают, что литература — это просто литература.

Надеюсь, ты понимаешь, почему мы скрывали это от тебя раньше?>

<Чтобы не шокировать?>

<Скорее, чтобы не лишать твою жизнь смысла. Смог бы ты и дальше жить, зная, что твой мир — это всего лишь плод фантазии давно умершего существа?>

Кстати, как ты думаешь, что мы предложим тебе в качестве первой задачи?>

Иртаан наклонил голову и почесал себя за ухом задней лапой, задумавшись.

<Найти Варру? И вызнать у неё, зачем она создала Миролапье таким?>

<Почти так!> — похвалила Синнари своего подопечного. <Почти, но не совсем. Судя по некоторым текстам *указатель на историю с кривоволками [<https://www.furaffinity.net/view/19524022/>]* она — не совсем обычная альтерристка. Варра, как ты видишь, была способна как минимум в этом случае ретроспективно изменить историю Миролापья, введя в него новый вид. Возможно, что не менее легко для неё будет и устранить голод и раскрыть свой мир перед Вселенной.>

В то же время — и ты скоро поймёшь, почему — мы ожидаем от неё враждебного отношения к нашему виду.

Потому — запоминай, о благородный — первой задачей будет найти её и скрытно изучить. В идеале — прочитать её память и сознание, чтобы понять, чего от неё ждать.> — Синнари сопроводила эту мысль тегом, указывающим на предложение задания и требование оценить его этичность.

<Мы полагаем, что сейчас справиться с ним можешь только ты — почему это так — в следующем документе.>

Бывший горноста́й поймал документ в фокус внимания и понял, что это компиляция отчётов разнотрудовой исследовательской группы, пытавшейся проникнуть в Миропла́тье. Из него следовало, что попытки телепортироваться в него были успешны... отчасти. Исследователи попали в то место — которое Иртаан называл про себя предми́рьем. Для него это была узкая полоса растительности, ограниченная с одной стороны прозрачной стеной его родного мира, а с другой — серым пустым пространством. Для исследователей же всё было иначе. Вопреки словам Варры, Миропла́тье оказалось планетой. Планета обращалась вокруг непримечательной звезды класса G2 в середине её эволюционного пути и выглядела неотличимой от бесчисленного множества других подобных планет, если бы не одно НО — сигнал сети был слышен слабо, что замедляло связь, навигационные же маяки не были слышны вовсе. Детальное изучение показало, что эта система, да и, скорее всего и другие, видимые на небе, не принадлежала известной первозверям Вселенной — фундаментальные константы были очень близки к их местным значениям, но и только. При достаточно точном их определении обнаруживались достоверные отличия, из чего был сделан вывод о том, что Миропла́тье находится в другом инфляционном домене, пусть и близком к нашему.

Планета, окрещённая Миропла́тьем-Внешним тоже преподнесла сюрприз. Примерно четверть её площади — сектор от северного полюса и до её экватора было отгорожена чем-то, смахивающим на горизонт событий — идеально-чёрной границей, начинавшейся глубоко под землёй, поднимавшейся на добрых несколько десятков километров вверх, и образующей своеобразную крышу над охваченной ею территорией. Было достаточно очевидно, что именно в пределах этой границы и находится Миропла́тье в узком смысле этого слова...

Поначалу казалось, что граница являет собой настоящий горизонт событий негравитационного типа — из-за неё не приходили никакие сигналы, то, что находится за ней, не удавалось просканировать псионически, а Ар-Рахэррэ, молодой и горячий самец, даже лишился тела, попытавшись туннелировать сквозь неё. Однако затем, после того, как к границе была доставлена высокочувствительная аппаратура, стало ясно, что это не так. В видимом диапазоне стена действительно была абсолютно непроницаема, однако на сверхвысоких частотах удалось уловить, пусть и крайне ослабленные, сигналы, интерпретированные как отголоски гроз. Кроме того, гравитационно-импульсный локатор обнаруживал продолжающуюся за стеной поверхность земли. Впрочем — толку от него было немного, такой локатор видит либо массивные объекты, либо движущиеся с большими ускорениями. Потому никакой пользы от него, кроме как подтверждения того, что за стеной планета продолжается, не вышло.

<Как ты думаешь, с чем связаны такие свойства стены?> — почувствовал Иртаан обращённую к себе мысль Синнари.

<Так вот что это за стена...> — подумал зверёныш прежде, чем ответить на вопрос. <Знаешь, для меня она не выглядит такой, как тут описано *образ прозрачной, покрытой волнами, словно вода, плёнки.* Быть может это связано с желанием Варры отгородить мир от вмешательства?>

<Здесь, думаю, ты прав. Но я о другом... почему она непроницаема в видимом диапазоне, но частично проницаема в СВЧ? Если честно — у нас пока что нет ответа, я надеюсь, что ты, как бывший житель Миропла́тья, сможешь что-нибудь подсказать. Моё личное предположение заключается в том, что Варра не знала о гравитационных волнах (и потому они проходят почти без ослабления) и мало что знала о СВЧ, а потому и не учла возможности наблюдения в этих диапазонах, и не создала соответствующей защиты.

Кстати, о защите... вот второе задание — очень простое. После этого разговора предлагаю прыгнуть на Миролапье, чтобы ты вновь взглянул на стену. Если она сохранит для тебя прежний вид — то у нас для вида будут хорошие новости — ты сможешь как минимум наблюдать, а то и зайти внутрь.

Но прежде, чем выяснить это — давай закончим со всеми бывшими для тебя запретными темами.

Позволь, я расскажу сама.>

<Когда мы обнаружили проницаемость барьера для СВЧ, мы, естественно, ухватились за эту возможность. Взяли радар с Арэнхаара, у службы управления полётами... серии Агир-Иссар, 285ая модификация... они пользуются в субпланетарных масштабах. Многолучевая ФАР, почти мегаватт максимальной мощности, широкий диапазон перестройки по частоте — в общем самое то, что надо.>

<Мегаватт?> — вопросительно наклонил голову Иртаан. <А как же «не причинять вреда разумным существам» *ссылка на кодекс видовой этики*? Вы не боялись сжечь кого-нибудь за стеной?>

<Я понимаю твоё беспокойство... мы предусмотрели возможность такого исхода и начали сканирование с очень малой мощности, наблюдая за происходящим через гравитационный радар. Мы ожидали, что когда мощность начнёт приближаться к опасным значениям, существа возле границы ощутят жар и боль и бросятся врассыпную. Гравитационник там был достаточно чувствительным, чтобы засечь даже... горностаю, бросившегося наутёк.>

<Тем не менее, оказалось, что малые мощности не оказывают никакого эффекта на мир за стеной, излучение просто уходило в никуда. Мы постепенно добавляли мощность и в какой-то момент достигли лёгкого отпугивающего эффекта, но так и не приняли отражённого сигнала. Мощность мы, конечно, тут же убавили, и стали думать, что делать дальше. В итоге перепроектировали антенну и входные каскады усилителей, а также полностью отключили защиту, несколько снижавшую чувствительность из-за дополнительных коммутаторов в цепях антенн. В тот момент мы полагали, что из-за стены в луч никто не может попасть, и это подтверждалось всей историей наблюдений. Кто знал, что оно так сложится...>

Иртаан ощутил смесь лёгких чувства вины и грусти, исходивших от Синнари.

<Так вот... после переделки мы смогли, наконец, поймать отражённый сигнал... только для того, чтобы обнаружить, что нужна ещё одна переделка. Постоянный дрейф по частоте, похожий на доплеровский сдвиг. Частота плыла в разы, и, более того, её изменения были как-то связаны с нашим присутствием. Когда мы прекращали наблюдение — сдвиг усиливался, и наоборот — чем дольше мы всматривались в Миролапье — тем меньше он становился.>

Мы приложили немало усилий прежде, чем Ас-ре-ар-Гисарри *ссылка на его жизнеописание, из коего следует, что это один из наиболее талантливых физиков* сумел разобраться с этой корреляцией. Из его расчётов получалось, что скорость хода времени за стеной непостоянна, и, более того, оно идёт там на порядки медленнее, чем на остальной части Миролапья-Внешнего. Кроме того, скорость хода времени действительно зависела от нашего наблюдения — притом только личного. Стоило нам покинуть планету — как сдвиг частоты возрастал и стабилизировался.

Пришлось организовать постоянное наблюдение, чтобы минимизировать нагрузку на сигнальные процессоры. Только после этого мы смогли получить картинку... вытянутые вертикальные объекты, в коих угадывались деревья, маленькие подвижные — очевидно животные, и так далее. Кстати, затухание сигнала внутри барьера было также очень велико, и Агир-Иссар, способный в нормальных условиях видеть на доли астрономической единицы, слеп на расстоянии в несколько километров от границы.

В общем — это выглядело так, и я уверена, что так оно и есть, будто мир противится попыткам наблюдения. Да и нам недостаточно было такой дальности...> — Синнари подняла лапу и поскребла воображаемую стену перед собой — <...хотелось знать всё, и, главное,

иметь возможность вмешаться. Ты ведь знаешь, как у тебя на родине обстоят дела с едой для хищников.

А вот вмешаться — не получалось никак. Что мы только со стеной не делали, разве что антипротонами не жгли и гравитационными генераторами не гнули — бесполезно. Гиларр-Энн предлагал подогнать к стене мобильный телепорт и попытаться оторвать от стены пузырь, чтобы использовать его для перехода сквозь неё. Предложение было заветировано, т.к. была обнаружена вероятность образования настоящего горизонта событий внутри стены.

Но знать и влиять-то хочется. И я предложила (да, я курирую этот проект) установить около стены мощный пси-транслятор, какие используются миротворческими силами для массового подавления способности к убийству, и использовать его как локатор. Начать с минимальной мощности, задать простейшую и универсальную эмоцию — страх — и поугагать существ около стены. Идея была та же, что и с СВЧ-локатором — испугать кого-нибудь, обнаружить это по тому, как существо бросится от стены, попытаться поймать отражение его испуга, изучить искажения и, в итоге — настроить пси-связь сквозь барьер. Увы, моим планам не суждено было сбыться... я знаю, что будучи горностаем ты не мог этого вспомнить... вот, загрузи эту память себе> — Синнари передала Иртаану указатель на блок памяти.

Тот загрузил его и начал изучать. В начале записи значилось предупреждение «Информация частично домыслена, существует вероятность того, что она не верна. Источник информации невосстановимо повреждён.» Тем не менее бывший горностаем продолжил, и погрузился в воспоминания, неожиданно обнаружив, что в них он был никаким не бывшим, а самым что ни на есть настоящим. Вот он — молодой, двадцатилетний зверёк короткими прыжками пробирается сквозь траву, застилавшую поляну в лесу недалеко от Кручинного Города, не зная ещё сам, где он оказался. Вот — слышит смех, и, подскочив, видит двух гиен — пятнистую и полосатую, у полосатой к поясу привязан мешок. Вот он петляет, пытаясь уйти от них, и, видя что отстаёт, взбирается на дерево, лишь для того, чтобы понять, что оказался в ловушке — целая стая работяг расположилась вокруг дерева и не собирается никуда уходить. Вот он, несмотря на свойственную куньим храбрость, ощущает великий страх, лапы его разжимаются, и он падает...

Здесь связанная запись прерывалась, распадаясь на карты нейронных сетей и значения потенциации синапсов.

<Мы не стали загружать эту информацию в твой мозг во время лечения... тогда она ещё не была расшифрована нами. Целая группа врачей в течение нескольких лет моделировала тебя и восстанавливала структуру нервной ткани буквально поatomно.

Впрочем, эти последние секунды не несут, на мой взгляд, ничего существенного> — заключила Синнари.

<Ощуди теперь, как это выглядело с нашей стороны.> И вновь Иртаан получает указатель на очередной отчёт... в этот раз отчёт об эксперименте с псионическим генератором.

Юный перевозверь скользил вниманием по записям лога...

<... мощность столько-то эрг, эмоция — страх, фокусировка такая-то, Агир-Иссар готов.

... серия пси-импульсов, инкремент мощности такой-то, стена пробита — группа существ, собравшаяся неподалёку от неё, распадается и начинает удаляться.

... параметры импульсов зафиксированы, отражение отсутствует, ЭМ-радар готовится для нового сканирования.

... сверху, вне сектора видимости Агир-Иссар сквозь стену проникает предположительно биологический объект...>

С этого момента Иртаан начал обчувствовать лог детально, событие за событием.

<Существо из-за стены продолжает падение в направлении облучателя антенны Агир-Иссар, радар начинает сканирование.

Алгир-Хара, эффектор, оператор радара обнаруживает существо в полуметре от облучателя и начинает тормозить его, одновременно уводя в сторону, плавно, чтобы не убить перегрузкой.

Существо касается облучателя антенны, автоматика Агир-Иссар регистрирует потерю сверхпроводимости в нескольких каналах, их пробой и потерю согласования с антенной.

Проходит команда на отключение передатчика, она не выполнена, т.к. зона пробоя распространилась к этому моменту на все 3⁹ каналов.

Израсходовав запас мощности в накопителях оконечные каскады отключаются.

Существо получило крайне тяжёлую радиочастотную травму (позднейшее приложение — карта выделившейся в теле существа мощности, судя по ней — наиболее пострадала голова, т.к. существо падало ей вперёд, в некоторых участках мозга локальная температура превысила температуру кипения воды). Судя по пси-следу оно было крайне перепугано (предположительно оказалось очень близко к стене) и каким-то образом её пробило.

Снимок с места происшествия — крошечное белое тельце, лежащее в невысокой траве, от него поднимается пар

Алгир-Хара, мгновенно сориентировавшись в обстановке, окружает зверька сферой остановленного времени, тем самым предотвращая дальнейшие повреждения, и призывает свою тройку. Вся тройка прыгает на Арэнхаар и передаёт пострадавшего службе ксеномедицины.

Результаты исследования без снятия стазиса (общая анатомия и карта повреждений прилагаются): существо выглядит весьма типично для эволюционно-возникших млекопитающих. Архитектура мозга и душа выглядят характерно для разумного существа. Прогноз крайне неблагоприятен, термически разрушена часть глубинных, эволюционно-древних частей мозга. Радиочастотный ожог всей поверхности тела Ситуации присвоен восьмой (из девяти) приоритет, т.к. существо — единственный актуальный источник информации о Миротлапье.

Пациент передан службе экспериментальной медицины белковых форм жизни на Иссири-Эрр. Предлагается разрушающее сканирование тела и недобровольная выгрузка существа в сеть.

Ар-Синнари (служба контактёров) предложено оставить разрушающее сканирование на самый крайний случай ввиду свойств стены. Она полагает, что после перемещения существа в сеть и выгрузки его в новое тело, оно навсегда потеряет возможность вернуться домой.

Предложение вынесено на обсуждение вида и принято, решено попытаться любой ценой сохранить зверьку (а это самец) тело.>

На этом протокол эксперимента заканчивался, и начинались подобные ему логи от службы экспериментальной медицины.

<... проведено повторное обследование существа без снятия стазиса, главный результат которого заключается в том, что неведущие компоненты (по-человечески — душа) остаются связанными с телом.

... подготовлена аппаратура разрушающего сканирования на случай смерти в процессе лечения.

... получена детальная анатомическая карта, протрассированы нервные тракты от мускулатуры и внутренних органов к мозгу, получена грубая схема коннектома для неповреждённых участков мозга.

По результатам сравнения анатомии с анатомией известных нам существ сделан вывод — существо является достаточно типичным млекопитающим эволюционного происхождения. Тем не менее, обнаружены признаки искусственности конструкции — прежде всего в строении передних конечностей, способных быть хватательными и в строении мозга. Признаков геной инженерии не обнаружено, вероятно модификации были осуществлены путём управляемой эволюции.

... установлено, что поражены жизненно важные центры мозга, в первую очередь — дыхательный и сосудодвигательный, вследствие чего снятие стазиса приведёт к мгновенной, в течение минут, смерти существа.

... подготовлена аппаратура точного сканирования, стазис снят, после чего один из врачей захватил контроль над телом и выполнял роль поражённых центров в течение того времени,

пока выполнялось сканирование коннектома областей, прилежащих к разрушенным, стазис восстановлен.

... на основании полученных данных и генетического материала пациента выращен нейропротез жизненно-важных центров, эта задача какой либо сложности не представляет.

... стазис снят повторно, средствами телепортационной хирургии поражённые центры удалены, на их место пересажен нейропротез.

... нейропротез функционирует нормально, дыхание, давление, оксигенация крови, пульс и т.п. — в норме, сознание — отсутствует, активность коры — отсутствует. Решено повторно пациента в стазис не вводить, а приступить вместо этого к лечению соматических повреждений.

... сожжённая шерсть и кожа удалены, выращиваются биологические протезы термически-повреждённых органов и тканей.

... удалённые участки мозга изучены на предмет возможности разрушающего сканирования. Результат неутешительный — вода вскипела, белки денатурированы, клеточное строение нарушено. Вероятно никакое сканирование не сможет восстановить коннектом, что означает необратимую потерю части памяти и личности пациента в случае, если не принять каких-то специальных мер.

... так как строение мозга определяется не только генетикой, но и личным опытом существа, вырастить протез поражённых участков на основе генома не представляется возможным. Предложено на основе генома и сохранившихся частей построить модель мозга пациента, после чего гонять её по всем возможным вариантам развития с использованием эволюционных алгоритмов, используя в качестве критерия приспособленности совпадение с уцелевшими фрагментами, после чего на основе модели вырастить протез. Часть памяти неизбежно будет потеряна при этом, но личность в целом должна сохраниться.

... ситуация осложняется невозможностью провести полноценное моделирование в виртуальной среде — есть опасения, что невещественные компоненты существа оторвутся от тела и перескочат на модель.

... после нескольких суток моделирования получен неожиданный результат — ни одна из моделей не сходится с мозгом пациента. Есть несколько, в которых кора крайне похожа на сохранившуюся, но ни в одной из них древние структуры, ответственные за инстинкты не совпадают с тем, что имеет место быть на самом деле.

Наибольшие различия касаются центров, ответственных за половое поведение, у пациента они сохранились относительно неповрежденными. Все сколь угодно реалистичные модели показывают полигамного зверька, с сезонным размножением, и, естественно, получающего удовольствие от йиффа. Реальный же мозг показывает иной, возмутительный результат — строго моногамное существо, без желания йиффа, и никакого удовольствия от него не испытывающее.

Такой результат кажется невероятным и похож на последствия какого-то вмешательства извне.

... для прояснения ситуации к пациенту вызвана служба психиургов. По результатам обследования установлено:

- обнаружены следы вмешательства в душу зверька, не вмешательства лично в него, а, скорее, вмешательства мира в души всех своих жителей;
- вмешательство было направлено на то, чтобы сделать существ моногамными и лишить их удовольствия от йиффа, оно признано неэтичным;
- обнаружено, что пациент охотился на разумных существ, что также недопустимо.

В связи с этим предлагается провести операцию, направленную на устранение последствий вмешательства и блокировку способности к убийству разумных. Видом принято решение о вмешательстве в Миропалье чтобы повторить проделанное с пациентом, но в масштабах всего мира.>

<Остановись здесь!> — мысль Синнари выдернула Иртаана из глубин изучения логов. <Позволь мне самой рассказать о дальнейшем — я хочу избежать непонимания. Кроме того — то, что будет сказано, вероятно не понравится тебе.>

Бывший горноста́й кивнул, перевел изучение информации о себе в фон, и по старой, ещё из прошлой своей жизни, привычке, развернул уши в сторону Синнари.

<Итак, тогда, когда ты висел между жизнью и смертью, а вид принял решение о вмешательстве, я поняла, что происшедшее с тобой — это не только твоё несчастье, но и наш шанс... шанс помочь Миролапью. И я решила завербовать тебя — в качестве нашего агента влияния. Показать тебе весь ужас происходящего на твоей родине, показать тебе прелесть йиффа... показать тебе другие миры... и предложить помочь нам дать всё это твоим сомирянам>

<То есть тогда ты йиффалась со мной только для того, чтобы соблазнить?>

<Нет, скорее я совмещала приятное с полезным. Я — та ещё ксенофилка, знаешь, трудно стать частью службы контактёров, не будучи такой. И в конце-концов я тоже получила немалое удовольствие.>

Синнари встала и потёрлась об Иртаана боком, прося того расслабиться. Впрочем, он не был так напряжён, как она ожидала — ведь ещё в далёком прошлом, когда ему предложили стать агентом влияния, ему прямо рассказали обо всём этом... кроме йиффа. Да и будучи теперь первозверем он понимал правильность принятого ей решения.

<Вижу, что ты вовсе не зол на меня... это хорошо, тогда давай продолжим, ощущай дальше.>

<... психирургическая операция проведена успешно, незначительные компоненты остались соединёнными с телом.

... нейропротез выращен и установлен, первая попытка его включения привела к появлению активности коры, быстро сменившейся аномальными комплексами типа пик-волна, с последовавшим генерализованным эпилептическим приступом. Протез отключён для подстройки весовых коэффициентов.

... после множества попыток и подбора параметров пациент приведён в сознание, это произошло на двадцать шестой день после травмы. К этому времени большая часть повреждений зажила, только шерсть ещё остаётся очень короткой.

... немедленно снят слепок всей памяти и отправлен на срочную расшифровку. Пациент (звуковое имя Ирр-Тхаан) изначально испуган, предполагает, что умер.

... через некоторое время, по мере осознания своего положения, его страх сменяется злостью — он считает, и в этом он прав, что из-за наших экспериментов он оказался искалечен и бесконечно далеко от дома, и, возможно, никогда не увидит его вновь.

... подключены психотерапевтическая и контактёрская службы, Ар-Синнари лично ведёт контакт с ним.

... получен более конструктивный контакт, пациент осознаёт, что произошедшее — по сути несчастный случай. Кроме того, у него даже промелькнула мысль благодарности — ведь из-за нашего вмешательства он оказался спасён от преследователей, от которых в противном случае у него не было бы шанса убежать.

... пока идёт выздоровление Ирр-Тхаану показано множество миров и видов, рассказано о нашем служении и других подобных вещах. Кроме того пациент попробовал йифф и ощутил его прелесть. (От Гийерр-Арра — спроектированный мною протез половых центров работает отлично).

... на семьдесят третий день пациент выписан в отличном состоянии.>

<Вот, ты почти закончил> — ощутил Иртаан одобряющую мысль Синнари. <Ещё немного твоей личной истории, ещё один важный документ — и можно отправляться к чакатам> *образ Синнари-детеныша, принимающей в себя чакатий член, благо он как раз невелик.*

Следующим документом, последним в пакете, посвящённом истории Иртаана, оказался отчёт службы контактёров. Юный первозверь поверхностно обмыслил и его.

<... заинтересовался показанными ему мирами, это следует использовать как зацепку, указывая на то, что всё множество миров будет доступно ему, если он будет с нами, и станет недоступно из Миролापья...>

... Ирр-Тхаану предложено принять видовое служение и послужить улучшению своего мира...

... полный провал, он взбешён идеей вмешательства, как в Миролапье, так и в него самого (на тему невозможности охотиться и восстановления йиффливости) и проклинает нас, говоря, что мы осудили его на голодную смерть на родине...

... требует сделать что-нибудь, чтобы он мог питаться, и немедленно вернуть его домой...

... был сконструирован портативный синтезатор пригодной для него пищи. Кроме того, несмотря на всё его отрицание, мы объяснили Ирр-Тхаану, что предложение по-прежнему остаётся в силе, и уговорили его взять с собой кольцо-маячок, при помощи которого он мог бы подать сигнал нам...

... это было сохранено в тайне от зверька, но кольцо было также приспособлено для чтения его мыслей/снятия сигналов с его органов чувств. Кроме того, перед возвращением в Миролапье в пищу Ирр-Тхаану были добавлены нанороботы, запрограммированные на строительство станции связи после того, как они окажутся за стеной...

... доставлен к стене и без видимых усилий пересёк её, сигнал кольца принимался пару секунд и пропал...>

<Да, это я всё и сам знаю, хотя то, что кольцо могло шпионить за мной... если бы я оставался прежним, то я бы обиделся. А хитрость с наноботами хороша, ничего не скажешь. Видимо стена сочла их частью меня... хотя рискованно, конечно. Вдруг они не смогли бы сквозь неё пройти... ещё продырявили бы мне кишечник...> — высказал сомнения Иртаан.

<Мы предусматривали такую ситуацию, на самом деле> — ответила Синнари — <ты двигался достаточно медленно, а боты были объединены в крупные гранулы, так что ты не проколол бы себя. Но пройти бы не прошёл, да. Если бы оно так случилось — нам пришлось бы рассказать о ботах тебе и просто подождать, пока они не выйдут естественным путём.>

<А теперь чувствуй, самое интересное! Как думаешь, что это такое?> — контактёрша передала ссылку на очередной, последний, документ.

Бывший горностаи не отвлекаясь ощутил его и спросил: <Логично?> Потом подумал ещё долю секунды, вспоминая слово из прошлой жизни и добавил: <Книга о произошедшем со мной?>

<В каком-то смысле и книга...> — утвердительно кивнула Синнари. <Ощути дату создания этого текста...>

<Что?> — удивлённо наклонил голову Иртаан. <Минус два с половиной миллиона лет?>

<Именно! Как думаешь, где это было найдено?>

<В той же сети, что и тексты о Миролапье?> — предположил юный перевозверь.

<Да, там, и примерно в то же самое время.> — подтвердила Синнари. <Хотя автор, несомненно, другое существо. И, как чувствуешь, текст не только весьма точно описывает то, что происходило с тобой, но и говорит о том, что ещё не случилось... Что ты думаешь об этом?>

<Предсказание?> — наклонил голову на бок Иртаан.

<Не думаю... предсказать за два с половиной миллиона лет, притом в таких мельчайших подробностях... Служба исследования законов мира предполагает два варианта: либо существует неизвестный нам, но известный автору текста способ нарушить принцип самосогласованности

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Принцип_самосогласованности_Новикова], либо наш мир — альтерра, а автор — её альтеррист. А может быть и то, и другое одновременно.

В любом случае — во всей этой альтерристике кроется какая-то тайна, разгадка которой, полагаю, даст нам много новых возможностей.

Но, прежде чем окунуться в неё — давай начнём с малого. Готов взглянуть на стену, отделяющую Миролапье от внешнего мира? А потом — к чакатам.>

Иртаан кивнул и спустя пару секунд все четверо исчезли, осталось лишь выдроподобное существо с фиолетовым мехом, сидевшее перед картиной, изображавшей горностаю, вставшего на задние лапы...

Эпилог

Иртаан сидел на песчаной земле, покрытой ярко-зелёной молодой травой (зелёным этот цвет называла его память, сам он видел два пика поглощения — один в красном участке спектра, другой — в синем), и смотрел в даль. В этот раз взор не застилал серый туман — он прекрасно видел уходящие вдаль холмы, поросшие травой и невысоким кустарником и лес у горизонта. Над горизонтом висело тусклое для его новых глаз, красноватое солнце и дальний лес, игла приёмопередатчиков, да и девять первозверей, сидевших перед ним, отбрасывали длинные чёрные тени в его свете.

Сегодняшним утром бывший горностаю узнал — Миролапье не закрылось для него, стена по-прежнему оставалась проницаемой. Более того, даже находясь за её пределами он чувствовал обоими своими рогами доносившиеся из-за неё мысли. Шум множества мыслей, принадлежавших самым разным зверям, далёким, близким... и, кажется, не только зверям, но и каким-то духам.

Иртаан не мог выделить из этого шума отдельные мысли, но этого и не требовалось — он просто захватывал поток, и передавал его зверям, сидящим перед ним. Они принадлежали к прайду Ар-Синнари и занимались дальнейшей обработкой этих мыслей, фильтрацией, сортировкой, сохранением, изучением языка и множеством других задач.

Кроме того — сейчас они, в отдельном потоке, выступали от имени всего вида:

<Готов ли ты, Арр-Ирр-Тхаан, служить Миролапью и сделать всё допустимое для его изменения и искоренения страданий его жителей?>

Иртаан задумался на секунду, ещё раз перепроверяя этичность своего решения, как того требовал протокол, и кивнул.

<Да, я готов.>

<Что ж, тогда прямо сейчас мы приступим к твоему обучению. Тебе предстоит узнать ещё множество всего перед заброской... но сначала... давай заскочим к чакатам. *образ улыбающейся по-миролапски зверицы.*>

Фир-фир возвращался домой... вокруг расцветала весна, нежно пели птицы, уже вернувшиеся из дальних стран, и воздух был полон такой свежестью, что бывает только после первого в году дождя. Он смыл последние остатки снега, напитав траву — и та начала бодро расти, покрывая собой до сего момента голую, пропитанную водой землю.

На дворе стояли первые дни звонкобега девятьсот двадцатого года от Великого Разгрыза, и молодой ольх возвращался в Вьюнодом из своего первого визита в Далетравье в этой роли. Хотя, на самом деле Фир просто соскучился по своим сестрам, да и не только... полгода незаметно пролетели в ольхских хлопотах, и вот теперь он хотел посоветоваться с ними, рассказать им о том, что происходило и спросить их совета. Ему было важно узнать, хорошо ли он справляется со своей новой ролью, а кто, как не ольхева и ольхиня могли его оценить.

Проведя всего лишь несколько дней в Бросхадоме и вдоволь наговорившись с Фафой и Чилигой, не успевши забежать ко всем в гости, он направился в обратный путь — ведь дела Лесья не ждут, и негоже новоиспеченному ольху убегать от них в другую страну. Путь его лежал на юго-восток, и Фир-Фир намеренно заложил небольшой крюк — так, что сторонний наблюдатель мог решить, что росомаха собрался посетить сначала Псогар, а потом уже направиться в Лесье. На деле же тот направлялся к озеру Чистейшему — навестить места своего детства, и ведь, кроме того, была у него ещё одна советчица, с которой он ещё не встречался с тех времён, когда Лужье и Лесье были единой страной.

Сейчас, тёплым утром, когда Кволке уже выгнал солнце высоко в небо и лучи его ласкали бока, Фир-Фир приблизился к озеру и искал место посуше, чтобы войти в воду, не

провалившись в грязь. Внезапно он заметил нечто необычное — на пропитанной водой земле отпечатался, глубоко в неё вдавленный, след огромной лапы. Фир наклонил голову — но сколько он не принюхивался, его нос ощущал лишь запахи теплой земли, холодной ещё воды, настоя прошлогодних трав... весеннее буйство, среди которого не было запаха зверя, оставившего такой странный след. А след и вправду был странный — Фир-Фир никогда не видел ничего подобного. Во-первых он был огромен, так, что чтобы накрыть его потребовалась бы крышка самого большого котла из бросхадомской кухни. Во-вторых — зверь, оставивший след, был семипалым.

Не сумевши разнюхать зверя, росомаха стал внимательно разглядывать землю вокруг — и действительно, вскоре ему попался ещё один след, наполовину скрытый в воде, затем ещё один. Фир взглядом опытного охотника смерял расстояние между ними и понял — зверь, оставивший следы, был как минимум вдвое больше взрослой эсбеки. Кроме того, следы говорили — зверь вошёл в воду, и, судя по всему, направился к острову Пня.

Не скрывая волнения росомах, уже не думая о том, что может испачкаться, бросился в воду и поплыл к острову...